

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

МАРДЖЕРИ

АЛЛИНГЕМ

.....

.....

ЦВЕТЫ ДЛЯ СУДЬИ

.....

Золотой век английского детектива

Марджери Аллингем

Цветы для судьи

«АСТ»

1936

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Аллингем М.

Цветы для судьи / М. Аллингем — «АСТ», 1936 — (Золотой век английского детектива)

ISBN 978-5-17-095681-4

Пол Бранд, один из совладельцев крупного лондонского издательства, найден убитым. Полиция подозревает в совершении преступления Майкла, кузена Пола, влюбленного в его жену. Однако старый друг семьи Кэмпбелл считает, что причины трагедии следует искать в таинственном исчезновении еще одного из совладельцев издательства, Тома Барнабаса. Он пропал двадцать лет назад, и полиции так и не удалось найти его...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-095681-4

© Аллингем М., 1936
© АСТ, 1936

Содержание

Примечание	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Марджери Аллингем

Цветы для судьи

Книга с уважением посвящается моим издателям

Никто из героев повествования не списан с реальных людей, а изложенные в нем события никогда не происходили.

Margery Allingham

FLOWERS FOR THE JUDGE

Печатается с разрешения Peters, Fraser & Dunlop Ltd и литературного агентства The Van Lear Agency LLC.

© Margery Allingham, 1936

Школа перевода В. Баканова, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Примечание

В уголовном суде свидетели обычно не присутствуют в зале во время слушания, предоставляющего их собственным показаниям, однако в деле Корона против Веджвуда в тысяча девятьсот тридцать первом году это правило было нарушено.

Глава 1

Отсырелый динамит

Историю обычного человека – то ли биржевого маклера, то ли торговца чаем, – который однажды солнечным утром вышел из своего пригородного дома и, подобно серому дымку в безоблачном небе, растаял в воздухе, припомнит чуть ли не каждый житель Большого Лондона начала века.

Обстоятельства разнятся. Иногда несчастного видела любопытная леди из дома номер десять, а инвалид, сидящий у окна двенадцатого дома, уже не видел; вдобавок тут же находили письмо, которое пропавший хотел опустить в почтовый ящик, – оно сиротливо лежало на тротуаре между упомянутыми домами. Иногда дело происходило на улице, по обеим сторонам которой шли высокие стены: в одном ее конце поджидал молочник, в другом на пороге собственного коттеджа стояла жена незадачливого джентльмена. В этой версии жену целовали у садовых ворот, махали ей с середины нелепо огороженной улицы, а молочник не встречал своего клиента ни в то утро, ни после.

В каждом случае косвенные улики не совпадали. Объединяло истории лишь главное событие да какой-то неприятный осадок. Человек исчезал; были основания полагать, что исчезал необычным способом. И, само собой, не возвращался.

Многие утверждали, будто один их знакомый живет по соседству с героем или жертвой истории, а вот старинная фирма «Барнабас и партнеры», с тысяча восемьсот десятого года владеющая издательством «Золотой колчан», таких разговоров не вела никогда, потому что тот самый «обычный человек» был их младшим партнером. Майским утром тысяча девятьсот одиннадцатого года он вежливо пожелал доброго утра своей экономке, шагнул с порога дома в Стритэмский тупичок, свернул на широкую пригородную улицу и вместо того, чтобы миновать табачную лавку на углу, растаял в воздухе – ловко и ненавязчиво, подобно дождевой капле в пруду.

В тупике улицы Джокис-Филд в роскошном особняке стиля королевы Анны, украшенном вывеской «Золотой колчан», это событие вызвало немалый переполох; однако, когда стало ясно, что книги счетов в порядке, а мистер Джон Уидоусон, другой партнер, вполне способен вести дела дальше, пока его кузен пребывает то ли в распыленном состоянии, то ли в четвертом измерении, – тогда врожденный консерватизм фирмы взял верх, и о неприятном происшествии скромно позабыли.

Конечно, спустя пресловутые девять дней любой шок вполне способен превратиться в недоуменный смех, а через двадцать лет он запросто оставляет после себя лишь неловкие воспоминания, но все же странное исчезновение Тома Барнабаса в девятьсот одиннадцатом создало на фирме своего рода прецедент, и потому когда в тысяча девятьсот тридцать первом Пол Р. Бранд, один из управляющих, пару дней нигде не объявлялся, то по удивительной, парадоксальной прихоти человеческого разума никого это особо не встревожило.

В квартире на верхнем этаже, на диване перед камином в своей просторной гостиной сидела Джина Бранд. «Цеховое чаепитие» было в разгаре. Это мероприятие стало для Барнабасов традицией. Зимними воскресными вечерами кузены и мисс Керли собирались, чтобы попить чаю и досконально изучить сегодняшние газеты. Иногда компанию им составляли посторонние: какой-нибудь выдающийся автор, или заезжий американец, или, в редких случаях, пожилой Калдекотт, патриарх литературных агентов, знавший самого Старика.

Когда Пол привез Джину из Нью-Йорка и фирма отошла от потрясения – надо же, в семье теперь есть женщина, к тому же иностранка! – Джина решила предоставить традиционному чаепитию камин и угощение, избавив от этой обязанности старенькую экономку Джона.

Встречи переехали сюда, этажом выше. Это было очень характерно для двух управляющих: они с радостью арендовали здание, соседнее с конторой; за немалые деньги превратили непригодные помещения в три квартиры и поселились на задворках Холборна, оба уверенные, что не должны мечтать о большем.

Джон Уидоусон – старший управляющий, старший кузен и сын старшей сестры Старика – занял, как подобало его положению, центральную квартиру, хотя по размеру она больше бы подошла Полу с Джиной, размещенных этажом выше.

Нижний – полуподвальный – этаж более-менее пришелся по вкусу Майку Веджвуду, младшему кузену и младшему управляющему. «Барнабас и партнеры» поступали так в святой уверенности, что мелкие неудобства идут на пользу достоинству и репутации фирмы.

Чаепитие подходило к концу, а о Поле до сих пор никто так и не спросил. Похоже, все считали, что без его нравоучений встреча проходит гораздо спокойней.

Джина сидела на большом, нарочито изогнутом белом диване с изысканной спинкой, обильно украшенной пуговицами. На фоне этого сдержанного собрания хозяйка дома, как всегда, выглядела эксцентрично, прелестно и оригинально.

Когда декоратор Павлов называл ее молодой Бернар, он не слишком грешил против истины. Изящная фигура, миниатюрные ручки и ножки, длинная современная шея Джины потерялись бы в корсетах и безвкусовых оборках восьмидесятых. Лицо тоже было современным: широкий рот, миндалевидные серые глаза. Простоту маленького прямого носа компенсировала новомодная прическа, творение Лалле: темно-каштановые локоны собраны наверх и уложены надо лбом, едва уловимо напоминая пышные шиньоны прошлого века.

На Джине было платье собственного дизайна. Фирма, точнее, Джон Уидоусон от лица фирмы не одобрял желание супруги кузена продолжить в Англии свою карьеру, и миссис Бранд теперь придумывала наряды только для себя – и иногда для Павлова.

Узкое платье из густого шелка, темно-зеленого с черным, подчеркивало ее чужеродность и необычный, оригинальный шик. Джина явно скучала: еженедельная обличительная речь Джона в адрес фирмы Чезанта, который наводнил книжный рынок третье-, четверо-, пятисортными романами и самодовольно хвастал огромными тиражами, – эта речь сегодня затянулась.

Керли сидела в углу у камина: пухлые руки сложены на коленях, взгляд бледно-голубых глаз за стеклами очков спокоен и задумчив.

В комнате, безусловно, не было человека, который выглядел бы менее изысканно, чем мисс Флоренс Керли. Седые волосы зачесаны кое-как; черное бархатное платье – из разряда тех, что за баснословные деньги продают миллионам неразборчивых покупательниц, – ужасно скроено и аляповато украшено; туфли модные, но неудобные; и вдобавок ко всему – три кольца, явно еще материнские. Но Керли – это фирма. Даже Джон, временами бросавший на мисс Керли взгляд, искренне надеялся, что она его переживет.

Давным-давно – в те дни, когда даму-машинистку еще считали смелым новшеством, – Флоренс Керли была секретарем Старика. Она, верная живучей женской традиции преданно служить доминирующему мужчине, вверила себя фирме «Барнабас», словно возлюбленному. Тридцать лет мисс Керли любила предприятие, как сына и хозяина одновременно. Знала о его делах больше, чем все книги счетов, понимала трудности и дорожила победами с одержимостью первой няньки. В конторе она олицетворяла великодушный всезнающий ум, один из главных капиталов фирмы. За стенами конторы мисс Керли вызывала страх и почтение, иногда – негодование. При этом выглядела глуповатой незаметной старушкой, которая тихонько сидит у камина.

В комнате было очень тепло.

– Мне, пожалуй, пора, Джина. – Джон встал. – Тус в своей новой книге такого наворотил! Хочу довести ее до ума. Я вызвал его на завтра.

Приглашая автора для беседы, Джон всегда говорил «я вызвал его» – это была коронная фраза Старика.

Мисс Керли шевельнулась.

– Мистер Тус очень самонадеянный юноша, мистер Уидоусон, – рискнула высказаться она. И непонятно зачем добавила: – На прошлой неделе я видела, как он обедает с Филлипсом из «Денверса». Они, наверное, вместе учились.

Джон, уловивший направление ее мыслей, помедлил.

– Книга и правда не так хороша, как первая, – виновато сказал он.

– Да, не хороша, – согласно кивнула мисс Керли. – Со вторыми книгами вечно так, правда? И все же что-то в нем есть. Я бы не хотела, чтобы он от нас ушел. Не люблю «Денверс».

– О да, – скупой отозвался Джон и добавил: – Я над ней поработаю.

Он пошел к двери – представительный, интересный мужчина: высокая стройная фигура, суховатое желтое лицо, коротко стриженные седые волосы.

На пороге помедлил, взглянул на хозяйку дома.

– А где Пол? Не знаешь, Джина? С четверга его не видел. Опять в Париж улетел?

Возникла неловкая пауза, Керли невольно заулыбалась. Пол – нахрапистый, хвастливый, энергичный – часто выводил из себя кузенов, но ее забавлял. Джон впервые открыто упомянул дело с биографией Турлетта, и все в комнате мысленно вновь услышали страстный неубедительный голос Пола, перекрывающий шум сентябрьского коктейльного приема.

– Скажу вам, мой дорогой друг, я был так взволнован, так раздавлен, что тут же поспешил в Кройдон и сел на самолет. Даже не сообразил захватить чемодан или сообщить Джине – просто рванул туда и купил эту книгу!

То обстоятельство, что биография Турлетта вызвала одинаковые отклики и у британских, и у американских читателей – средненькая проба пера в жанре свободного стиха, не более, – и что сделка стоила Барнабасам примерно пятьсот фунтов, вполне объясняло ядовитое замечание Джона.

Джина ожила. Прежде чем ответить, она с грациозной неторопливостью повернула голову.

– Не знаю где. Дома он с четверга не появлялся.

В спокойном голосе с неожиданным новоанглийским акцентом не было смущения или негодования – ни вопросом, ни самим фактом отсутствия мужа.

– Понятно. – Джон тоже не выглядел удивленным. – Если сегодня придет, попроси заглянуть ко мне. Я буду читать допоздна. Мне доставили весьма примечательное письмо от миссис Картер. Хорошо бы Пол отучился петь дифирамбы авторам. А то они потом негодуют, если книга не идет нарасхват.

Его голос затих на скорбной ноте уже за дверью.

Ричи захохотал – сухое отрывистое кудахтанье, на которое никто не обратил ни малейшего внимания. Он сидел в стороне, в тени, откинувшись на спинку кресла: тихая, унылая или, на чей-нибудь сентиментальный взгляд, трогательная фигура.

Ричард Барнабас, брат растаявшего в воздухе Тома, единственный из кузенов не получил по завещанию Старика доли в деле. Разумеется, в тысяча девятьсот восьмом он был моложе, но не так молод, как малыш Майк или подросток Пол, и ненамного моложе самого Джона. Объяснений этой загадки у Ричи никогда не спрашивали, однако условие завещания, которое предписывало благодетельствованным кузенам «приглядывать» за Ричардом Барнабасом, пролиvalo некоторый свет на мнение Старика о племяннике.

Они исполнили это предписание типичным для фирмы, да и, возможно, для издательства в целом, способом: выделили Ричи кабинетик наверху, достойное жалованье и звание «чтец». Он делил свои обязанности с двумя-тремя десятками клириков, незамужних девиц и неиму-

щих преподавателей, разбросанных по всей стране, но имел при этом официальную должность и жил в мире потрепанных рукописей, по которым составлял длинные заумные отчеты.

Словно худое пыльное привидение, его часто видели на ступенях конторы, в холле или в хитросплетении продуваемых улиц, когда он размашистым шагом быстро шел из священного переулочка к себе в меблированные комнаты на Ред-Лайон-сквер.

Ричи никто не воспринимал всерьез, однако всем он был симпатичен – как чужая безобидная домашняя зверюшка, вызывающая полутерпимое, полуснисходительное отношение. Каждый год ему давали трехнедельный отпуск, и все три недели о Ричи не вспоминали. Лишь растущая гора рукописей в пыльном кабинетике свидетельствовала о том, что он и правда отсутствует.

Среди младших служащих бродили туманные слухи, будто Ричард проводит отпуск за чтением в своих меблированных комнатах, однако ни у кого не доставало интереса проверить. Кузены же просто говорили и думали: «А где Ричи? Ах да, в отпуске...» – и забывали о нем ради более важных дел, которых всегда хватало.

Периодически находились сентиментальные юные дамы – хотя таких на фирме не одобряли, – которые видели в Ричи романтическую загадочную натуру с тайной внутренней жизнью, слишком тонкой или даже поэтичной для того, чтобы выставлять ее на всеобщее обозрение. Однако со временем они бросали свои изыскания, поскольку обнаруживали, что у Ричи душевная организация ребенка и разум школьника. И что он ни капельки не несчастен.

Отсмеявшись, Ричи встал и подошел к Джине.

– Мне тоже пора, дорогая, – улыбнулся он ей. Помолчав, добавил: – Вкусный чай.

– Ты такой милый, Ричи. – Джина прищурилась и приветливо протянула руку.

Ричи коротко ее пожал, кивнул Керли, одарил широкой улыбкой Майка, которому всегда симпатизировал, и вышел.

Оставшиеся трое обменялись сердечными взглядами. Душевную тишину гостиной какое-то время ничто не нарушало. Со стороны парка к дому поползли первые волны тумана, однако его холодные гадкие щупальца пока не проникли в умиротворенную комнату.

Мисс Керли сидела в своем углу – безмятежная, погруженная в мысли. Все, кто знал Флоренс Керли, давно привыкли к ее взгляду «сквозь тебя», ставшему в конторе предметом добрых шуток. Старушка же считала свою привычку весьма полезной. Выцветшие голубые глаза плохо просматривались за стеклами очков в золотой оправе, а потому окружающие никогда точно не знали, куда направлен ее взгляд.

Сейчас она со спокойным любопытством изучала Майка.

Майкл Веджвуд – сын младшей и любимой сестры Старика. Место в фирме было гарантировано Майку с детства. Ему едва исполнилось семь лет, когда дядя умер.

Мисс Керли смотрела на Майка и размышляла: ранняя подготовка к профессии легко могла его испортить. Мальчик, из которого обдуманно и хладнокровно воспитывают достойного члена любой старинной издательской фирмы, не говоря уж о «Барнабас и партнеры», имел все шансы вырасти педантом, брюзгой или кем похуже. Однако вмешались смягчающие обстоятельства. Во время войны фирма понесла убытки, состояние Старика сильно уменьшилось, и юный Майкл, хоть и посещал правильные учебные заведения, денег почти не имел. А по мнению мисс Керли, нужда обладает очень ценным качеством – она замечательно отрезвляет.

Майк опоздал на войну лишь на несколько месяцев – когда подписали окончательное перемирие, он еще не завершил учебу. До сих пор мисс Керли считала его человеком благополучным и неиспытанным. Ему сейчас вроде бы двадцать восемь или двадцать девять лет; добродушный, учтивый, с приятной внешностью, надежный, спокойный. Но, хотя мисс Керли и понимала причины его популярности, Майк напоминал ей создание не совсем ладное – словно всему живому и самому важному в нем позволили атрофироваться, заменив обаянием, неприужденностью и интеллектом.

Майк, безусловно, хорош собой. Сейчас он в расцвете мужской зрелости, в нем больше стариковского характера и достоинства, чем в любом из кузенов. Присущи ему и фамильные черты Барнабасов: блестящие проницательные глаза темного цвета, сильный волевой нос, тонкие нежные губы.

Теперь, когда подозрения последних недель перешли в уверенность, он стал для Керли гораздо интересней и, что примечательно, существенно вырос в ее глазах.

Она украдкой бросила взгляд на Джину – роскошную, безмятежную, полулежащую на диване с высокой спинкой.

«Девочка еще не знает наверняка, – продолжала благодушно размышлять Керли. – Он был осторожен, ничего не говорил. Не решился, конечно. Люди теперь нерешительные. Страсть их пугает. Они с ней ведут борьбу, как с чем-то неприличным. Естественно, страсть неприлична. Как и многое другое. Но Старик... – Воспоминания тронули губы Керли легкой улыбкой. – Старик бы девочку заполучил. Нехорошо, конечно, ведь кузен с ним работает, но заполучил бы. Этим-то он и превосходил своих племянников».

При мысли о кузенах Керли презрительно вытянула старческие губы. Джон – раздражительный, напыщенный, часто невыносимо упрямый; Пол – взмыленный, громкий, выставляет себя на посмеище; теперь вот еще темная лошадка Майк, который раньше ничего не хотел по-настоящему. Сумеет ли кто-нибудь из них пойти ради своих желаний напролом, сметая помехи, перешагивая через невозможные препятствия, – и избежать наказания, как это раз за разом делал Старик? Вряд ли, решила Керли.

Джина на Майка не смотрела, однако постоянно ощущала его присутствие. Керли видела это по напускному спокойствию, по случайным признакам напряжения, которого не вынес бы никто, кроме нее – одной из самых бесстрастных женщин.

Итак, молодые люди «влюблены», продолжала рассуждать мисс Керли. Нелепое, но меткое слово, намек на «неловкое положение». Настоящий конфуз для обоих: они ведь такие сдержанные, такие разумные. Внутри Майка что-то происходит, с удовлетворением подметила мисс Керли, он пробуждается. Его снедает нешуточная лихорадка, что мучительно рвется наружу сквозь непринужденную учтивость, превращая аскета в человека безгранично трогательного, беззащитного – и одновременно немного бесчестного.

С девочкой не все так ясно. Выдающееся самообладание! Интересно, как она относится к мужу? Вряд ли, конечно, с большой любовью. Наверное, где-то живет на свете очень толстокожая женщина, способная не обращать внимания на череду мелких фиаско, составляющих жизнь Пола, но Джина не такая. Его фальшивые восторги и путаное вранье, которое всегда выходит наружу, его неубедительная хвастливость – такой атаки на чуткий ум не выдержит никакая физическая страсть.

К тому же разве Пол уделяет жене внимание? Он поглощен одной-единственной задачей – безнадежной и потому бессмысленной: убедить всех в своем величии. Вот где, например, по мнению Джины, Пол сейчас? Нырнул с головой в очередную сумасбродную затею, доказывает свою важность какому-нибудь ослепленному писаке, а под утро придет в семью восторженный, опьяненный собственным недюжинным умом – но ненадолго: рассудительный старший кузен быстро его отрезвит, и Полу останется только дуть губы.

Нет. Если Джина когда-то и любила мужа, в чем Керли испытывала сомнения, сейчас это чувство прошло.

Грубое вторжение в уютное, заваленное газетами святилище прервало ее размышления и догадки. Майк с готовностью поспешил на трель дверного звонка, из прихожей донеслись приглушенные вежливые приветствия, и в комнату вошел гость. Керли знала мистера Альберта Кэмпiona лишь понаслышке, а потому к увиденному была не готова и несколько потрясена. Худая сутулая фигура, бледное открытое лицо и прилизанные светлые волосы вошедшего полностью терялись на фоне огромных, необычайно массивных очков в роговой оправе.

– На вечеринку не успел? – расстроился он, бросая взгляд на пустой чайный столик и отодвинутые стулья. – Какая жалость!

Гость потряс руки Керли и Джине, сел, скрестив длинные худые ноги.

– Не чаепитие? Не вечеринка? Значит, работа, – продолжал болтать он с приветливой улыбкой. – Недорого, честно, надежно; из последнего – пятнадцать месяцев труда и обвинительный приговор в конце. Детективные услуги любого рода и любой срочности.

Мистер Кэмпиион резко умолк. Керли смотрела на него с холодным неодобрением.

У гостя хватило ума стушеваться. На выручку пришла Джина.

– Вы ведь не знакомы с мистером Кэмпиионом, Керли? Со временем к нему можно привыкнуть.

– Это у меня болезнь, – с очаровательным смущением заявил молодой человек. – От волнения. Считайте ее искусственным глазом – и перестанете обращать внимание.

Керли оттаяла лишь отчасти. Мир, в котором она живет, наводняют молодые насмешники, в большинстве своем – невоспитанные глупцы. Однако между ними и этим юношей есть разница. Поток околесицы обычно служит автору защитным прикрытием, но здесь суть в другом. Мистер Кэмпиион скрывает вовсе не отсутствие ума.

А гость тем временем не умолкал.

– Джина, тебя как американку ждут незабываемые впечатления. Грядет знаменитый лондонский туман, когда свет на улицах расплывается, автобусные кондукторы пешком указывают дорогу водителям, а слепые попрошайки за небольшую плату переводят через дорогу городских богачей. В районе Друри-лейн уже началось. Я чувствую себя героем старинного романа.

– Рад, что он тебе по душе. – Майк пожал плечами, темные глаза лениво блеснули. – Меня как автомобилиста такой роман не трогает. Это отвратительно, Джина. С кожей и одеждой происходит то же, что во время поездки на поезде из Парижа на юг в разгар лета.

– Ясно. Очередная английская забава для иностранцев.

Джина говорила рассеянно, и мистеру Кэмпииону пришло в голову, что напряженную атмосферу в комнате создает не только присутствие мисс Керли.

– Что ж, дамы и господа, – весело объявил он. – Профессор прибыл! Воздушный шар скоро взлетит. Откройте мне свои невзгоды. У тебя что-то пропало, Джина?

Наступила неловкая тишина. Проницательный ум мисс Керли быстро разобрался в происходящем, мистер же Кэмпиион, не владевший фактами, понял, что допустил бестактность. Майк умоляюще взглянул на Джину. Мисс Керли привстала.

– Если вам нужно обсудить какие-то дела втроем, дорогая, я пойду.

Джина помедлила с ответом, лицо порозовело. Впервые ее смятение грозило вырваться наружу, и этот легкий румянец на фоне безупречного самообладания выглядел очень красноречиво.

– Не то чтобы втроем, Керли... Не знаю... Вы, наверное, сможете нам помочь... да и... – Она умолкла.

Мисс Керли села.

– Я останусь, – твердо заявила она. – Речь о Поле, так? Он придет, дорогая. Как обычно. Все кузены время от времени любят исчезать. Что-то вроде семейной традиции.

Ее слова окончательно растопили лед, Майк с облегчением рассмеялся.

– Притворство, – пробормотал он. – Старая добрая Керли! Видите нас всех насквозь, да?

– Вижу, – сухо подтвердила она.

– Постойте! Дайте Гению навестать упущенное, – запротестовал мистер Кэмпиион. – Что стряслось с Полем?

Джина вспыхнула, посмотрела на него.

– Я попросила Майка пригласить тебя на... неофициальный разговор. Пола нет с четверга, и, в конце концов, он здесь живет... и... и...

– Спокойствие, – поспешил на выручку Кэмпиион. – Я отлично тебя понимаю. Одно дело – позвонить в полицию, и совсем другое – делать вид, будто не замечаешь трехдневного отсутствия мужа.

– Именно. – Она поблагодарила его взглядом и продолжила; едва уловимые нотки гордости придавали мягкому неторопливому голосу особое очарование. – Другие жены, наверное, к этому времени уже голову бы потеряли, но у меня – то есть у нас – все иначе. Мы... Знаешь, мы люди послевоенные, Альберт. Пол живет своей жизнью, я – тоже, в какой-то мере.

Джина подавленно умолкла, затем торопливо заговорила вновь, отбрасывая все защитные барьеры.

– Я к тому, что ничего необычного тут нет, Пол иногда уезжает на день-два, забыв меня предупредить, но чтобы надолго... Такого не было. К тому же о нем вообще ничего не слышно, а это странно. И сегодня утром я подумала, что должна... ну... сказать об этом кому-нибудь. Понимаешь?

– Д-да, – не очень уверенно протянул мистер Кэмпиион.

Глаза Джина ненадолго скрылись под тяжелыми белыми веками.

– В нашем окружении многие так себя ведут, – с некоторым вызовом заключила она. – Пол может быть где угодно. Явится сегодня ночью, или утром, или на следующей неделе, а я буду чувствовать себя дуручкой – столько шума наделала.

– Проясним. – Четкий голос мистера Кэмпииона звучал очень дружелюбно. – Я так понимаю, наш дорогой друг вполне мог пойти на коктейльную вечеринку, потом всю ночь кутить с кем-нибудь из гостей и закончить похмельем в чьем-нибудь загородном особняке после двухдневной пирушки.

– Именно. – Джина энергично закивала, словно хотела убедить себя саму. – Или мог рвануть в Париж, там готовят выставку. Но все равно его слишком долго нет.

– Ты про февральскую выставку редких манускриптов у Бампуса? – Мистер Кэмпиион наострил уши.

– Да. Пол о ней мечтает. – Майк встал, помог Джине прикурить. – Событие будет грандиозное. Выставят почти всю коллекцию Ли.

– Без «Жуира», как я понимаю? – пробормотал гость, рискуя вызвать неодобрение мисс Керли.

– К сожалению. – Майк с искренним огорчением покачал головой. – Пол внес предложение, но Джон категорически его отверг. Фирма Барнабасов верна своему прошлому.

«Жуир», бесценный экземпляр неопубликованной пьесы Конгрива, написанный собственной рукой драматурга, стал собственностью Барнабасов еще на заре их достойной издательской карьеры. Рукопись перешла к ним в результате какой-то не очень приглядной истории, давней и почти позабытой. Сейчас же всеобщее недовольство – ученых и коллекционеров в равной мере – вызывало то, что Джейкоб Барнабас, покойный Старик собственной персоной, из каких-то пуританских соображений запретил копировать и даже читать рукопись. Джон уважал волю дядюшки, а потому «Жуир» оставался достоянием исключительно фирмы Барнабасов.

– Очень жаль, – громко заявил мистер Кэмпиион и тут же позабыл о «Жуире». – Так о Поле неизвестно совсем ничего? Например, ты знаешь, куда он пошел в четверг вечером?

– Нет. – Джина покачала головой. – Вообще, в тот день я ждала его домой. Нам надо было кое-что обсудить, и мы условились спокойно поужинать тут в половине восьмого. Но он не прибыл даже к девяти, я потеряла терпение и ушла.

– Ну да, ну да. – Кэмпиион внимательно посмотрел на нее. – Ушла, говоришь? Неужели на его поиски?

– Нет. Конечно, нет. – Джина вспыхнула. – Я позвонила Майку, мы с ним поехали в Академию посмотреть новую версию «Калигари».

Мистер Кэмпиион почему-то бросил взгляд на друга – и увидел рыцаря с поднятым забралом. В мозгу у Кэмпииона вспыхнула тревожная лампочка.

Он был человеком достаточно старомодным и воспринимал брачные узы серьезно. Однако его немалый жизненный опыт подсказывал: даже милейшие люди иногда влюбляются без оглядки и под влиянием этого весьма эгоистичного безумия выдвигают своим друзьям самые возмутительные требования.

Ему вдруг пришло на ум, что на самом деле Джине нужен надежный, неболтливый частный детектив, который поможет с разводом. Мистер Кэмпиион как раз хотел ей об этом сказать – в самой дружеской манере, конечно, – но был спасен от непростительного промаха замечанием мисс Керли.

– А сама-то ты как думаешь, Джина, где он? – напрямик спросила старушка. – Обхаживает прелестную миссис Белл?

Джина вновь вспыхнула, но ответила со смехом:

– Честно говоря, сегодня утром я ей позвонила и спросила, не у нее ли он. Если бы дело было в этом, оно касалось бы только меня, правда? Я не позволила бы себе вот так его обсуждать. Нет, я понятия не имею, где Пол. Потому и сообщаю вам. Я-то в порядке. Сама могу себя развлечь. Попрошу, например, Майка сводить меня куда-нибудь.

Она со смущенной улыбкой посмотрела на кузена мужа.

– Конечно, – сказал тот. – Ты же знаешь. Только скажи.

«Ну и ну! – мысленно воскликнул мистер Кэмпиион, в точности как недавно мисс Керли. – Искреннее увлечение. А ей даже не сказали».

Его интерес к делу немедленно возродился.

– Прости... – несмело начал мистер Кэмпиион. – Вы с Полом повздорили?

– Нет. – Миндалевидные серые глаза смотрели открыто. – Никакой ссоры не было. В четверг днем я видела его в конторе. Пол обедал с Калдекоттом. Сказал, что придет домой ужинать и мы поговорим. А после четырех его уже никто не видел. Без чего-то пять мисс Нетли принесла ему на подпись письма, однако в кабинете Пола не оказалось. Она позвонила мне в пятницу утром, не знала, как быть с письмами – их ведь нужно отправлять. Джон тоже звонил, спрашивал, где Пол. Возмущался его «проклятой безалаберностью».

Джина перевела дыхание, поискала глазами пепельницу – сигарета почти догорела. Рядом тут же возник Майк, протянул Джине сложенную чашечкой ладонь.

– Давай сюда, я брошу в камин, – выпалил он.

– Нет-нет. – Она удивленно отпрянула. – Обожжешься.

Майк молча кивнул, всей позой выражая безотчетную мольбу. Нелепая сцена: пустяковая, но удивительно волнующая.

Озадаченная и одновременно позабавленная, Джина сунула сигарету в руку Майку. Кэмпиион невольно отвел взгляд – чтобы не видеть, как исказилось от боли лицо друга, пока тот нес горящий окурок к камину.

Ход мыслей присутствующих изменило возвращение Джона Уидоусона. Приходящая домработница Джины пришла убрать посуду после чая, встретила мистера Уидоусона на лестнице и открыла ему дверь своим ключом. Старший кузен кивнул Кэмпииону, посмотрел на мисс Керли.

– Помните папку с газетными вырезками по «Границе тени», которую прислал нам Феллоуз, мисс Керли? Не знаете, где она? Такая маленькая, красная и вся в узорах, если не ошибаюсь. Что мы с ней сделали? Отослали обратно?

Мисс Керли задумчиво посмотрела вниз. Где-то в глубине ее памяти, аккуратно рассортированная по полочкам, лежала нужная информация. Именно за способность хранить самые незначительные детали Флоренс Керли так высоко ценили в юности; сейчас же, когда она была уже в преклонных годах, ее талант и вовсе превозносили до небес.

– Папка на полке вместе с другими сборниками, справа от входа в хранилище, – не без гордости наконец сообщила мисс Керли.

Майк, заметив на лице мистера Кэмпiona вежливое удивление, поспешил объяснить:

– Хранилище – пережиток прошлого. Это такое укрепленное помещение в подвале двадцать третьего дома, еще с тех времен, когда авторы требовали платить им золотом. Сейчас мы складуем там всякую всячину – адреса и прочее, вдруг понадобится.

– Весьма познавательно, – сухо обронил Джон. – Не желаешь сбежать за подшивкой?

Майк помедлил с ответом. Тон кузена был таким категоричным, что Майк едва не ответил колкостью.

– Я принесу, мистер Уидоусон. Я знаю, где она. – Мисс Керли встала.

– Ерунда, Керли. Я схожу. Ключи, как обычно, у вас в столе?.. Я мигом.

Майк вышел, а Джон занял освободившееся кресло.

– Туман сгущается, – заметил он и бесцеремонно поворошил угли.

В свои шестьдесят три года Джон, старший из кузенов, был такой же сильной личностью, как в молодости. Кэмпion сидел в тени и мог хорошо его рассмотреть. Баловень профессии, мелкий тиран, воспитанный в тщательно продуманной детской своего дядюшки. Однако голову от трудностей не прятал, вступал с ними в бой и побеждал. Лицо безвольным никак не назовешь.

Разговор не клеился. Керли в присутствии Джона всегда была немногословна, Джина ушла в невеселые мысли. Мистер Кэмпion всеми силами поддерживал беседу, но без особого успеха – его своеобразную манеру общения мистер Уидоусон не оценил. Периодически возникали неизбежные паузы, и во время одной из них послышались быстрые шаги Майка.

На миг всех охватило дурное предчувствие. Оно тут же исчезло, однако появление молодого человека, держащего красную с позолотой папку, почему-то вызвало облегчение.

Кэмпion мог бы решить, что излишняя нервозность Майка ему приснилась, – если бы не Джон. Тот, внимательно посмотрев на кузена, отрывисто спросил:

– В чем дело? Привидение увидел?

Все посмотрели на вошедшего. Его смуглое лицо было бледнее обычного, он запыхался. Однако вопрос явно его удивил.

– Все нормально. Немного не в форме, вот и все. Туман уже очень густой.

Джон крикнул, забрал папку и вновь ушел. Кэмпion подхватил угасший разговор, произнес какие-то ободряющие слова.

Вскоре мисс Керли ушла, следом ретировался и мистер Кэмпion, оставив Джину с Майком наедине у камина.

Кэмпion немного поразмышлял на тему странности чужих жизней. К полуночи, когда он наконец попал домой, Альберт уже выкинул из головы Джину и ее гуляку-мужа. Поэтому невероятная новость, которая вытащила его из постели в десять утра, стала настоящим потрясением.

– Его нашла мисс Марчант, машинистка, мистер Кэмпion. – Голос мисс Керли по телефону звучал неестественно деловито, Кэмпion мысленно ее представил: жесткая, холодная, практичная дама посреди хаоса. – Я пришла в контору и послала мисс Марчант за папкой из адресной картотеки, с полчаса назад. Дверь была заперта. Я дала мисс Марчант ключи, которые висят у меня в столе. В подвале она закричала, мы все поспешили туда и увидели на полу мистера Пола. Вы не могли бы приехать?

Мистер Кэмпion задал вопрос, она недовольно ответила, раздраженная его бестолковостью.

– Да, в хранилище. Майк брал оттуда вчера вечером папку. Да, то самое помещение. Ах да, мистер Кэмпion... – Она понизила голос. – Тут доктор. Он считает, что бедняга мертв уже несколько дней.

Еще один вопрос Кэмпiona, и на этот раз в тоне мисс Керли прозвучало не раздражение, а скорее ужас.

– Лежал посреди комнаты. Не увидеть его было невозможно.

Глава 2

Похороны состоятся позднее

При воспоминании о трагедии некоторые события видятся с особенной ясностью. Ни Майк Веджвуд, ни мисс Керли не могли забыть, как стоявший на коленях доктор поднял голову и виновато произнес:

– Боюсь, нам все же придется его перенести. Здесь я ничего толком не вижу.

Возможно, их способность испытывать потрясение достигла предела, и фраза доктора совпала с тем самым мгновением, когда на них снизошла наконец милосердная безучастность. Во всяком случае, эта сцена намертво врезалась им в память.

Удивительно неопрятное помещение стало видно в мельчайших подробностях. Флоренс Керли и Майк новыми глазами смотрели на длинные ряды пыльных полок со всякой всячиной; полки заканчивались у противоположной стены, где когда-то была кухонная плита, а теперь стоял старинный черно-зеленый сейф. Почти весь центр комнаты занимал громоздкий стол, заваленный книгами и множеством неряшливых свертков в коричневой бумаге.

Мисс Керли с Майком разглядели даже пространство под столом, сплошь заставленное хлипкими деревянными ящиками; их бумажное содержимое давно потекло бы через край, если бы не книги, небрежно брошенные сверху.

Туман, окутавший город, заползал в каждую щель и висел в воздухе сероватой дымкой, создавая тусклый ореол вокруг единственной раскачивающейся лампочки. Тело лежало на спине: голова в тени от крышки стола, согнутые ноги и торс смотрят в сторону входа, возле которого застыли мисс Керли и Майк Веджвуд.

Доктор неловко встал с колен. Невысокий сидящий мужчина в годах, но все еще щеголеватый; из-под кустистых бровей смотрят пронизательные глаза. По сравнению с темным элегантным нарядом его оголенные до локтя руки – крепкие и очень волосатые – выглядели неприлично.

– Куда его можно перенести? – спросил он.

Мисс Керли решила, что вопрос, естественно, адресован ей, и стала быстро соображать. Места в особняке номер двадцать три не так уж много. В подвале, кроме этой комнаты, есть еще зал упаковки в конце коридора, склад да небольшая уборная – ни одно из помещений не подходит для упокоения трупа. Наверху условия еще менее подходящие: рабочий день в разгаре, сотрудники на грани истерики.

Мисс Керли глянула на стол.

– Если переложить все это на пол, а на столе постелить простыню, вы будете как раз под светом, доктор, – решила она. – Я раздобуду лампочку поярче.

Низенький медик посмотрел на седую даму с любопытством. Он знал, что Пол был управляющим. Конечно, трудно ждать от персонала конторы такого же отношения к усопшему, как от членов семьи, тем не менее доктор был удивлен отсутствием тенденции, общей для всех дилетантов-немедиков, – поскорее устроить тело в самом удобном месте. Вслух же он назвал предложение мисс Керли очень разумным.

Майк шагнул в хранилище, обошел расprostертую фигуру, стал перекладывать пыльные бумаги на пол с другой стороны.

В комнате было сухо из-за отопительного котла, установленного через коридор; порой из-под двери, что вела во двор, задувал ледяной сквозняк. Майк работал, словно в кошмарном сне, его высокая худая фигура и чуткое лицо с глубокими складками выглядели на удивление мальчишескими и расстроенными.

Доктор вновь присел и приступил к осмотру, временами ворча что-то себе под нос и вздыхая.

Пришла мисс Керли с новой лампочкой и двумя простынями. Под ее руководством Майк, непривычный к подобным подвигам, кое-как заменил лампочку; а мисс Керли накинула на стол одну простыню и замерла, держа вторую наготове в ожидании указаний доктора.

Мужчины посмотрели друг на друга. Майк был моложе и значительно сильнее, однако по лицу его разлилась бледность, а на лбу выступил пот.

Доктор Роу живо заговорил. Его невозмутимость очень успокаивала. Тридцать пять лет общей практики нарастили вокруг него вполне дружелюбный панцирь, который успешно скрывал простого любопытного человека.

– Я подниму его за плечи, мистер Веджвуд, вы возьмите за ноги. Да-да, чуть выше лодыжек, вот так. Готовы? Давайте...

Майк взглянул на коричневые туфли с тупыми носками. До чего знакомые. Туфли Пола. А это беспомощное существо на пыльном полу – сам Пол. Майк не упал лишь благодаря физическому усилию. Он напряг мышцы – и поспешно отвел глаза от кузена. Нечего на него смотреть. Хватит и того, что написано на лице у мисс Керли.

– Отлично, – сказал доктор. – Уф!

Он наконец поднял голову и заметил, как выглядят его помощники.

– Может быть, вам лучше подождать снаружи? Это... э... не самое приятное зрелище.

В каменном коридоре Майк на миг повис на лестничных перилах, голова со стриженными кудрями прильнула к стене.

– Боже, Керли, какой ужас, – наконец выдавил он. – Где носит Джона?

– Скоро будет, – резко ответила мисс Керли. – После звонка доктору я вкратце передала все Джону через служанку. По ее словам, он полночи читал и потому еще не одет, но придет немедленно. Беда. К Джине я еще никого не отправила.

– К Джине? Конечно, я скажу ей, Керли, сам скажу. Попозже, не сейчас. Если она спустится и его увидит...

Майк умолк.

Мисс Керли вновь ощутила к нему симпатию, и это нежное чувство, пришедшее на смену страху, едва не выбило ее из колеи. Старая дама сняла очки, раздраженно промокнула веки.

Майк хмуро молчал, глаза под нависшими бровями ввалились, потемнели.

На верхней площадке лестницы этажом выше кто-то замер, на стену упала тень.

– Мисс Керли! О, мисс Керли! – позвал дрожащий девичий голос. – Мистер Тус пришел.

– Отведите его в приемную, мисс Джеймс. Всех посетителей ведите в приемную, – ответил Майк, опередив мисс Керли.

Шаги над головой затихли.

Вышел доктор – на удивление скоро. Майк с мисс Керли забросали его вопросами, он отвечал им, не оборачиваясь и моя руки в маленьком туалете рядом с хранилищем.

– Мертв дня три, я бы сказал. Точнее определить трудно, поскольку трупное окоченение уже прошло. Но три дня – это минимум. Странно, что тело не обнаружили раньше.

Мисс Керли впервые заметила его острый, пытливый взгляд из-под кустистых бровей и невольно стала оправдываться:

– Эту комнату используют крайне редко, доктор. Да и то в качестве хранилища, понимаете? Нам еще очень повезло, что мистера Бранда нашли сегодня.

– Но ведь он наверняка пропал, – не отступал доктор. – Его жена...

– Мистер Бранд был человеком непредсказуемым.

Мисс Керли невольно ответила резко, и Майк поспешил исправить положение:

– Мы как раз начали гадать, где он. Лишь вчера вечером это обсуждали. Искать здесь, естественно, никому и в голову не пришло.

Майк вдруг замолчал. Стало очевидно, что ему пришло на память нечто поразительное. Он густо покраснел и уставился на Керли. Та явно избегала его взгляда. Доктор с интересом посмотрел на обоих.

– Ясно... А скажите-ка, мистер Веджвуд, есть здесь внизу какой-нибудь отопительный прибор?

– То есть? – не понял Майк. – Вам нужен огонь? Есть коксовая печь под лестницей, если...

– Об этом-то я и спрашиваю, – оборвал доктор. – Давайте на нее взглянем.

Они вместе осмотрели систему центрального отопления и печь, встроенную в крошечный шкаф-чулан под лестницей. Доктор задал множество вопросов, огромными шагами измерил расстояние от чулана до дверей хранилища.

Потрясенная Керли, которая сохраняла спокойствие с большим трудом, сочла действия медика нелепыми.

– Как же все произошло, доктор? – нетерпеливо спросила она. – Как он умер? У него такое красное лицо – очень необычно, правда? Что случилось?

– Вот я и хочу понять, мадам. – Коротышка бросил на нее такой напыщенный взгляд, что мисс Керли стало неудобно.

Словом, Джон, сбежав по лестнице, появился как раз вовремя. Он прошмыгнул мимо Майка с мисс Керли, дежурным жестом потряс руку доктору и спросил:

– Где тело?

Вряд ли кто-нибудь видевший Джона Уидоусона в эти первые пять минут усомнился бы в том, что он искренне потрясен смертью кузена; однако слова и поступки мистера Уидоусона могли ввести в заблуждение кого угодно. Он подошел к дверям хранилища, замер на пороге и уставился на покрытую простыней фигуру на столе.

Джон не сделал даже попытки войти, а после короткого созерцания резко шагнул назад, похлопав изящными, цвета слоновой кости, руками – словно на музыкальных тарелках сыграл.

– Ужасно. Ужасно. Нужно его отсюда убрать. Отнести домой.

Майк хорошо знал этот уверенный, властный тон. Когда Джон так разговаривал, его распоряжения выполняли беспрекословно.

– Джина еще не знает, – сообщил младший кузен старшему. – Дай мне хотя бы предупредить ее. Пять минут.

– Хорошо. Но оставлять бедолагу здесь нельзя.

Оба совершенно забыли о докторе, и его робкое вмешательство их удивило.

– Мистер Уидоусон, не знаю, могу ли я высказаться...

– Уважаемый сэр, – перебил Джон. – Оставлять его ни в конторе, ни в хранилище нельзя. Есть у вас хоть одно веское возражение против этого?

Доктор замолчал. У него не было готовых аргументов, реальных оснований, которыми можно оперировать. В таких случаях побеждает тот, кто сильнее духом.

Майк пошел к лестнице.

– Дайте мне пять минут, – бросил он через плечо. – Я сообщу Джине.

Мисс Керли поспешила в свой кабинет – звонить мистеру Кэмпбеллу.

Служанка впустила посетителя в большую гостиную. Джина, облаченная в свободный костюм мужского покроя, разбирала утреннюю корреспонденцию на коврике у камина. Это зрелище – сидящая на коленях девушка в теплом темно-голубом костюме – было единственной отрадой для Майка за весь день. Позже он вспоминал, как ярко выделялись на белом коврике красные домашние туфли Джини, как вспыхнуло радостным удивлением ее лицо при виде гостя.

– Майк, лапочка, рада тебя видеть! Для кофе не рано? Я как раз собираюсь выпить чашечку.

Он спиной ощущал застывшую домработницу, нерешительно медлил. В голове мелькали невыносимо избитые фразы: «Джина, дорогая, мужайся...» Или: «Боюсь, у меня плохие новости». Или: «Джина, произошло ужасное несчастье».

Слова застряли в горле. Майк видел лишь радостную Джину – спокойную, прелестную, восхитительную.

– Он тоже выпьет кофе, миссис Остин. – Джина послала улыбку служанке, махнула рукой в сторону дивана. – Садись, невоспитанное создание, хватит таращить на меня глаза. В чем дело? Что, наш визит к Атертонам отменен? Ничего страшного. Да что с тобой?!

Майк тяжело сел, поднял глаза на Джину.

– Пол умер.

Она как раз хотела бросить в огонь несколько конвертов – и замерла. Эта застывшая поза, склоненная голова были гораздо красноречивее любого возгласа. Майк рухнул рядом с Джиной на коврик.

– Джина, я не хотел вот так выпалить... Господи, я болван!

Она резко повернулась к нему – лицо блее белого, огромные глаза потемнели.

– Расскажи. Что произошло? Автомобильная авария?

– Нет.

До чего же она близко!

Майк услышал собственные слова – осторожные, холодные.

– Он все время был в конторе. Его только что нашли. Хотят поднять сюда. Тебя... тебя следовало известить, видишь ли...

– Конечно, следовало. – Глубокий, мягкий голос звенел. – Майк, что произошло? Самоубийство?

– Я... мы... Мы не знаем.

– Но почему? Почему?! Ох, Майк, почему? Мы даже не спорили. У него не было причин, да? Так ведь, Майк?

– Держись, дорогая моя.

Он крепко сжал ее плечо, она прильнула к его руке.

Миссис Остин поставила на столик за диваном поднос с кофе – звякнули чашки, – с хитрым видом голубя-попрошайки посмотрела на хозяйку и гостя. Вот, значит, какие дела! Причем, видимо, уже не первый день. Хотя если мужчина не обращает на жену внимания, что ж, неприятности ему обеспечены. Да-да, таково мнение миссис Остин.

Джина заметила служанку, медленно встала.

– Мой муж умер, миссис Остин. Причина неизвестна.

На ее вытянутом лице, украшенном множеством подбородков, отразилось смутение.

– Нет! – Домработница суетливо загремела кофейной посудой. – Вот, выпейте, дорогая. Не помешает.

Джина села в большое белое кресло, покорно отхлебнула кофе. Служанка стояла рядом, не сводя глаз с лица хозяйки. Майк озадаченно наблюдал за этой сценой. До сих пор он воспринимал миссис Остин лишь как механизм для открывания дверей. И вдруг она чудесным образом превратилась в личность. Словно тень обрела плоть.

– Его доставят сюда, дорогая? – спросила домработница, и за ее вроде бы искренней скорбью послышалось скрытое ликование.

Джина посмотрела на Майка. Тот так и застыл на коленях у ее ног в неловкой позе.

– Его принесут сейчас? – спросила Джина.

– Да... Да, сейчас. – Майк с трудом встал. – Послушай, Джина, ты ничего не обязана делать, разве только сама захочешь, конечно. То есть...

Он растерянно замолчал.

– О, – произнесла миссис Остин и посмотрела на Майка. – Думаю, я вас поняла, сэр. Вот именно, бедной госпоже ни к чему пока видеть мужа. Я возьму все на себя.

Она сочувственно положила багровую ладонь на плечо хозяйки.

– Не тревожьтесь, милая. Ни о чем не тревожьтесь.

Майк смотрел на домработницу с восторженным ужасом. Какой практичный подход к смерти! Просто кровь в жилах стынет. Перед ним меркнет даже та жуть, которую Майк видел сегодня в хранилище. Миссис Остин вела себя по-доброму, каждой клеточкой источала сочувствие, дружелюбие – и одновременно смаковала трагедию с бесстыдным восторгом человека, изголодавшегося по развлечениям.

Майк взглянул на Джину. Та о чем-то размышляла: лицо белое, глаза темные, пустые.

В подобных случаях положено плакать. Какое облегчение, что Джина не такая, как все. Ей и в голову не придет вести себя «как положено». Вряд ли внезапная потеря Пола стала для Джины большой трагедией, однако это, конечно, огромное потрясение.

Майк попробовал разгадать мысли Джины, но тут его тронула за рукав миссис Остин.

– Можно вас на пару слов за дверь, сэр? Пожалуйста.

Торжественный тон едва скрывал восторженное любопытство, сведавшее домработницу. Майк покорно пошел за ней.

Туман еще не охватил город, однако на улицах было уже темно, как в полночь, а клубы едкого, насыщенного сажей воздуха делали очертания знакомых предметов неясными и расплывчатыми. Лондон напоминал старую коричневую литографию, чей автор не отличался вниманием к деталям.

Руководство делом в подвале особняка номер двадцать три взял на себя Джон, доктор без особого толку крутился рядом. С опорной рамы сняли крышку того упаковочного стола, что поменьше, и теперь на ней лежало закутанное в простыню тело Пола Бранда. Под присмотром Джона все происходило очень благопристойно.

Переднюю часть импровизированных носилок нес старик Добсон, старший упаковщик – индивид с бычьей шеей, руками, больше напоминающими передние ноги ломовой лошади, и красным ободком вокруг головы в том месте, где сидела кепка. В ногах шел мистер Питер Ригжет из бухгалтерии, который в критический момент откуда-то вырос на лестнице и, к своему удовольствию, был приглашен в помощники. Коренастый, невзрачный молодой человек с длинным торсом и короткими ногами, он обладал солидностью, грозившей через несколько лет перерасти в лишний вес. На свою беду, мистер Ригжет выглядел в точности как типичный непривлекательный служащий, вплоть до розового кончика чувствительного носа и сверкающего золотого пенсне. В тщетной попытке противостоять этому недостатку он стриг черные волосы ежиком и – выбор, достойный всяческих похвал! – проводил почти все свободное время в гимнастическом зале Политехнического института на Риджент-стрит, наращивая мускулы.

Таким образом, при определенном содействии со стороны доктора, мистер Ригжет вполне мог выполнить задачу, на которую нацелился.

Он мечтал попасть внутрь подвальной суматохи с того самого мига, как учуял ее благодаря обостренному восприятию – минуты через три после обнаружения тела. Как ни боролся мистер Ригжет с судьбой, он, увы, оставался тем, кем родился и вырос: любопытным, робким, бесчестным человеком с почти маниакальной склонностью к самовозвеличиванию.

– Не на улицу. – Фраза Джона прозвучала безапелляционно. – Пойдем черным ходом, через сад, оттуда – в подвал двадцать первого номера. Нельзя собирать перед конторой толпу. Готовы?

Доктор уже не в первый раз за последние десять минут стрельнул любопытным взглядом в элегантного пожилого главу фирмы. Джон Уидоусон был всецело поглощен собственным, отдельно взятым аспектом трагедии и совершенно не собирался изображать горе в общепринятом понимании – доктор Роу встречал такое впервые.

Его это озадачивало, ведь он почти не знал мистера Уидоусона и не понимал, что подобное поведение – результат привычки длиною в жизнь.

Процессия вышла во двор через узкую дверь между хранилищем и печным чуланом. Туман придавал картине зловещей окраски. Грузная фигура Добсона поплыла и выросла в призрак внушительных размеров, тогда как Питер Ригжет, поникший под тяжестью груза, стал короче, сплюснулся в нечто карликовое и уродливое. Их белая ноша выглядела то шире, то уже при каждом новом ракурсе, навязанном ее траекторией; складки простыни бессильно обвисли в холодном неподвижном воздухе.

Кортеж прошествовал по каменной дорожке между гаражом и грузовым складом, резко повернул направо, с трудом преодолел редко используемую калитку в стене. Продвигаться внутри соседнего дома было еще неудобней, и Джон с доктором были вынуждены оказывать носильщикам всяческую помощь, пока те, пыхтя и отдуваясь, покоряли семь лестничных пролетов.

Миссис Остин встретила их с заплаканными глазами. Ее долгий поклон, сопровождавший занос тела в квартиру, сразу же после закрытия двери сменился шепотом и сноровкой. Они с доктором поняли друг друга с первого взгляда; впервые за это утро профессиональный медик получил ту помощь – пропитанную смесью благоговения, неуклюжести и добрых намерений, – к которой привык за долгую практику.

– Миссис Бранд совсем разбита, бедняжка, – театральным шепотом объявила миссис Остин и с двусмысленным умилением добавила: – С ней мистер Веджвуд, успокаивает, как только он один умеет. Я попросила его задержать ее на одну-две минуты.

Джон посмотрел на домработницу, недоумевая даже не кто, а что перед ним, и прошел за Добсоном и Питером Ригжетом в гостевую комнату, где в честь доктора миссис Остин постелила чуть ли не все самое лучшее белье.

Добсон сразу ушел, причем с радостью, а Ригжет тянул время, пока работодатель резким тоном не приказал ему вернуться на работу.

Майк и Джина почти не разговаривали до прихода Джона. Тот немного постоял, рассеянно глядя на их вопросительные лица и думая о чем-то своем, затем сел, посмотрел на Джину.

– Мы принесли Пола сюда, держать его там, внизу, нельзя.

– Конечно, нельзя. Конечно! – Она чуть повысила голос. – Да что с вами со всеми? Естественно, он должен быть дома. Пойду туда.

Майк встал у нее на пути.

– Ты меня не защищаешь, а пугаешь, – сказала Джина и посмотрела на старшего кузена. – Где это произошло, Джон? Где он был все это время?

– В хранилище. – Джон по-прежнему говорил отстраненно, поглощенный какими-то мыслями.

– В хранилище? – Она не поверила своим ушам. – Я думала, его закрыли снаружи, а ключ висел в столе у Керли.

– Все это ужасно, дорогая, – моргнул Джон. – Но и без этих мелочей есть о чем подумать.

Джина вдруг рухнула в кресло с перекошенным лицом – враз осунулась, постарела, под глазами залегли синие тени.

– Майк, – слабо произнесла она. – Ты вчера туда ходил...

– В хранилище? Правда, мистер Веджвуд? Весьма любопытно. – Низенький доктор Роу уже какое-то время топтался в нерешительности на пороге и теперь вошел.

– Доктор, это миссис Бранд, – с легким упреком сообщил Джон.

Коротышка потрясенно замер, смущенно кивнул.

– Э... да-да, понимаю. Разрешите выразить вам мои глубокие соболезнования, мадам.

Доктор Роу пожал Джине руку, затем снова переключился на Майка.

– Вы ходили вчера в хранилище?

– Да, доктор, ходил, – чересчур дружелюбно начал объяснять Майк. – За папкой для кузена. Я взял ключ из стола, в котором его всегда хранят, открыл дверь, нашел подшивку, закрыл дверь, вернул ключ на место и поспешил сюда. Я провел там буквально секунду, но... Но ничего не видел.

Наступила тишина. Взгляд у доктора стал как у Джона – отстраненный, затуманенный.

– Что ж, – после нескончаемой паузы изрек доктор. – Вам предстоит кое-какие формальности, сами понимаете.

– Формальности? – вскинулся Джон. – Не очень понимаю. Какова причина смерти, доктор?

Врач помедлил.

– Я не хотел бы пока брать на себя ответственность, – наконец пробормотал он. – Перед следствием будет вскрытие, оно-то и установит точную причину смерти.

– Следствие? – окаменел Джон. – Вы серьезно? Разве в таких случаях оно необходимо?

Властный тон каким-то образом перечеркнул глупость вопроса.

– Мистер Уидоусон, я не лечил вашего кузена при жизни. У меня нет полной уверенности в том, как именно он умер, и, боюсь, я вынужден отказать в выдаче свидетельства.

– Что это значит? – Голос Джона прозвучал, пожалуй, несколько высокомерно.

Доктору явно было не по себе.

– Дело попадет к коронеру, как незасвидетельствованная смерть, – медленно произнес он. – Я... э... к сожалению, я больше ничего не могу сделать.

Уходить медик не спешил, умные глаза из-под кустистых бровей поглядывали с интересом.

– Доктор, – Джина с трудом взяла себя в руки, – я иду к мужу. Не могли бы вы меня проводить?

Она быстро вышла из комнаты, коротышка – за ней по пятам.

Майк стал беспокойно вышагивать туда-сюда. Кузены никогда особо не общались, несмотря на родственные узы, и беда не сделала их разговорчивей.

– Следствие, значит? – наконец произнес Джон. – Пол верен себе – эпатаж до конца.

Майк недоверчиво взглянул на Джона, но тот как ни в чем не бывало продолжал:

– Позвони мисс Керли, ладно? Пусть поднимется сюда с блокнотом.

Майк замер, открыл уже рот для возражения, однако передумал и покорно вышел. Как только он закончил звонить из маленькой будки в конце холла, из гостевой комнаты вышли Джина с доктором. Майк решил ее подождать.

Коротышка был сама доброта.

– Предоставьте все мне, миссис Бранд, – он взял ее за руку. – Я понимаю. Очень сильное потрясение. Не переживайте. Положитесь на меня.

С Джиной так всегда, подумал Майк. Она настолько женственна, что даже в самых черствых душах пробуждает желание защищать ее и опекать. Впрочем, когда Джина поспешила по коридору ему навстречу, она отнюдь не выглядела испуганной.

– Ах, Майк, да в чем же дело? Что вы с Джоном скрываете?

– Скрываем?! Милая моя... – Ее слова ошеломили Майка. – Прости старину Джона. Он потрясен гораздо сильнее, чем показывает. К тому же фирма значит для него так много, что не думать о ней выше его сил, даже в такое время.

– Майк... – Джина оперлась на его руку, посмотрела в глаза. – Похоже, ты и правда веришь во всю эту ерунду. Дорогой мой, разве ты не понимаешь? Доктор не выдаст свидетельство о смерти! У него есть сомнения.

– Я понимаю лишь, как тебе тяжело, Джина. Не переживай. Мы что-нибудь придумаем, тебе не придется участвовать в проклятом следствии.

– Боже мой... боже! – прошептала Джина, поднесла руку ко лбу и рухнула к ногам Майка. Он отнес ее в спальню.

Спустя примерно три четверти часа по лестнице на цыпочках поднялся мистер Ригжет. Миссис Остин провела взволнованного молодого человека в комнату, Джон предупреждающе вскинул руку. Он считал себя неоспоримым владельцем любого помещения в обоих зданиях, а потому использовать в качестве конторы квартиру новоиспеченной вдовы своего кузена не казалось Джону Уидоусону ни странным, ни неуместным.

– ...Скоростижно на своем рабочем месте, мисс Керли, – диктовал он. – Похороны состоятся позднее. Это для «Таймс», «Морнинг пост» и «Телеграф». Второе сообщение мистер Пелам пусть разошлет в прессу по своему усмотрению. Мистер Ригжет, чего вы хотели?

Последняя фраза прозвучала таким тоном, что мисс Керли вздрогнула от неожиданности. Однако Питера Ригжета это не смутило – он чуть ли не впервые в жизни стал глашатаем важных вестей.

– Мистер Уидоусон, – выпалил бухгалтер, – вас спрашивают двое. Я выскользнул из конторы через сад и прибежал сюда предупредить.

– Предупредить? – Джон взглянул на подчиненного с очаровательной смесью неприязни и изумления. – О чем вы? Что за «двое»?

– Видите ли, сэр, – решительно произнес мистер Ригжет, которого только что лишили возможности произвести драматический эффект. – Первый – это коронер, а второй – полицейский в гражданском. Такого, сэр, присылают, только когда дело серьезное.

Глава 3

Набросок трагедии

В приемной издательства «Золотой колчан» мистер Кэмпиион философски размышлял: да, часто судьба экспертов именно такова – их зовут и задвигают в угол. Девушка, впустившая Альберта, была непреклонна: надо подождать.

Мистер Кэмпиион сидел в тени каминной доски из красного дерева, вдыхал запахи табака и кожи, с интересом крутил головой. Приемные разных издательств не похожи одна на другую: одни напоминают продуваемый сквозняками зал ожидания на захолустном вокзале, другие похожи на элитный книжный магазин, где со вкусом расставлены предметы искусства; третьи поражают мрачной роскошью и будят странное ощущение, будто наверху умирает кто-то очень старый и очень богатый. Приемная же особняка номер двадцать три отражала индивидуальность фирмы «Барнабас и партнеры»: добротная, удобная, довольно милая – как столовая обеспеченного семейства.

Глядя на полированные столики, мистер Кэмпиион поймал себя на мысли, что серебро пора бы почистить. Книг не было – не считая нескольких первых изданий, упрятанных в шкаф за стекло и проволочную сетку.

Над камином висел портрет в роскошной вычурной раме – Джейкоб Барнабас, дядя нынешних управляющих. Голова и плечи в натуральную величину; судя по многочисленным слоям краски, схожесть с оригиналом далась художнику непросто. Картина изображала крепкого ширококостного мужчину шестидесяти с лишним лет, с благородной квадратной головой, бородой и седыми выющимися волосами викторианского филантропа. Однако светлые, глубоко посаженные глаза смотрели надменно и очень холодно, а маленький рот в обрамлении красивой пышной белой бороды был сурово поджат. Мрачный старик, решил мистер Кэмпиион и переключил внимание на посетителя – тот застыл по другую сторону центрального стола, на который так и просилась многоярусная обеденная ваза из серебра.

Полного молодого человека с багровым лицом терзало, похоже, не столько тайное горе, сколько недовольство, которое не могло долго оставаться тайным. Он рассматривал мистера Кэмпииона с еле сдерживаемой неприязнью, но стоило последнему сделать пустяковое замечание о прекрасном туманном деньке, тут же разразился сумбурным пылким монологом узника одиночной камеры.

Молодых людей, которые полжизни прячутся от мира и кропают всякие выдумки в жалкой надежде развлечь или просветить своих собратьев, мистер Кэмпиион в душе считал жертвами некой фобии, а потому испытывал к ним сочувствие. К тому же Альберта все сильнее мучило любопытство по поводу того, что происходит внизу, и он был рад отвлечься.

Толстяк рухнул в кресло.

– Я жду мистера Уидоусона, – отрывисто заявил он. – Обычно я веду дела с Брандом, но сегодня должен идти к главному. И ведь никто никуда не спешит, а? Дьявол, я тут уже полчаса.

Учитывая обстоятельства, мистер Кэмпиион не знал, что сказать, но его молчание не волновало незнакомца – тот, похоже, ничего и не заметил.

– Надеюсь, Бранд сейчас придет, – не утихал он. – Вы его знаете? Славный малый. Такой увлеченный. В делах просто зверь. Когда ушел из армии, многое тут изменил. Он, понимаете ли, был в Штатах, а потом вернулся и хорошенько встряхнул этот мавзолей.

Толстяк вновь умолк, но лишь затем, чтобы перевести дух. Удивительная несдержанность, они ведь не знают даже имен друг друга! Однако мистер Кэмпиион видел узнаваемые симптомы и понимал – люди, вынужденные проводить много времени в одиночестве, редко умеют вести светскую беседу. Язык толстяка мчал вперед, опережая мысли.

– Бранд, представьте, взял в жены американку, – неодобрительно сказал он. – На редкость хорошенькая. Жаль, они не...

Он оборвал сам себя, вскочил, вытаращил глаза на Кэмпiona, словно заподозрил того в желании втереться собеседнику в доверие.

Мистер Кэмпion придал лицу успокаивающе-равнодушное выражение, а незнакомец, красный от гнева и смущения, сбежал в угол. Кэмпion тоже встал и подошел к окнам за тяжелыми портьерами.

– Не пойму, куда пропал Бранд, – через минуту жалобно сообщили за спиной.

Мистер Кэмпion застыл, едва не брякнув: «Вон как раз несут его тело. Мрачноватая процессия, не находите?», и повернул голову как раз в тот миг, когда в приемную вошла девушка.

Ее лицо нельзя было назвать красивым или запоминающимся, однако в мистере Кэмпione сразу же вспыхнул интерес. Невысокая, черноволосая, она носила прическу средневекового пажа и скромное прямое платье из синего сержа с белыми манжетами и воротничком. Образ наводил на мысль о двенадцатилетней школьнице.

– О, мистер Тус! – Вошедшая улыбнулась толстому посетителю. – Простите, что заставили вас ждать. К сожалению, мистера Уидусона сегодня не будет. Его вызвали по делам. Не возражаете, если мы вам напишем?

От негодования мистер Тус сперва покраснел, затем побледнел. Мистер Кэмпion готов был его пожалеть.

– Тогда я встречу с мистером Брандом, – с чувством собственного достоинства произнес толстяк. – Он-то, надеюсь, не занят?

– Нет-нет, не занят. Но встретиться с ним, боюсь, нельзя.

В голосе девушки прозвучало нечто неуловимо странное. Она явно наслаждалась ситуацией, однако сообщать новости не спешила. Скорее, наоборот, вела себя чересчур скрытно. Мистеру Кэмпionу стало интересно. Почему работники Барнабасов решили хранить смерть Пола в тайне? Утаить смерть – дело безнадежное, это не какой-то мелкий грешок или временное недоразумение, из которого человек выпутается и которое впредь предпочтет никогда не обсуждать.

– Мисс Нетли, что-то произошло? – Мистер Тус уловил в воздухе признаки волнения.

Кэмпion перевел взгляд на девушку. Та ничуть не смутилась.

– Сегодня мистера Бранда не будет, – сообщила мисс Нетли не столько уклончиво, сколько провоцирующе. – Извините.

Мистера Кэмпiona неодолимо потянуло выяснить, что же за беда стряслась внизу, и он незаметно вышел. Мистер Тус был выброшен из головы. Их интересы далеки друг от друга. Но вот мисс Нетли... Есть в ней что-то любопытное, какая-то странность. Альберт сделал мысленную пометку возле ее имени.

Просторный вестибюль двадцать третьего дома не отличался сложной планировкой, и мистер Кэмпion без труда обнаружил лестницу вниз. Неторопливо миновав унылые тени по углам, он осторожно ступил на первый каменный пролет. Альберт не таился, его шаги были хорошо слышны. В подвале предупреждающе кашлянули. Из какой-то двери выскользнули трое мужчин в фартуках упаковщиков, пошли к себе в отдел: двое смотрели в сторону, третий внимательно, но беззлобно поглядывал на серую фигуру, выплывшую из тумана.

– Дверь не заперта, гостей хоть отбавляй. То-то полиция будет рада, – проворчал мистер Кэмпion по дороге к месту происшествия, безошибочно указанному ему только что.

У входа в хранилище он помедлил. Сбежавшие упаковщики не подумали выключить свет, и вся картина предстала перед Альбертом как на ладони, приглашая к осмотру. Было нетрудно понять, где лежало тело, особенно после описания мисс Керли по телефону.

Пустой стол сперва озадачил мистера Кэмпiona, но ненадолго – чтобы додумать, что происходило после обнаружения тела, большого ума не требовалось.

Мистер Кэмпиион оценил собрание книг и бумаг, сваленных Майком в кучу на полу, еще сильнее посочувствовал полицейскому, которому предстоит тут все осматривать. Да уж, урон нанесен солидный... А раз так, можно и войти. Еще парочка следов в пыли...

Мистера Кэмпииона чрезвычайно заинтересовало устройство комнаты. Когда-то здесь, без сомнения, была кухня, и последующие переделки только усилили ее сходство с подземной темницей, свойственное хозяйственным помещениям восемнадцатого века.

Стены были облицованы каким-то металлом, а поверх него – асбестом; окно справа за дверью заложено кирпичом и заставлено полками, идущими вдоль стен.

Мистер Кэмпиион потянул носом. Воздух спертый, несмотря на открытую дверь. Хотя помещение такого размера не могли оставить совсем без вентиляции. Проверим-ка внешнюю стену.

Туман проник даже сюда, и поначалу Альберт мало что разглядел. Однако вскоре его старания были вознаграждены: кирпич под одной из нижних полок отсутствовал, на его месте стояла миниатюрная стальная решетка. Два центральных прута были сломаны, образуя рваную дыру двух дюймов в диаметре.

На эту дыру мистер Кэмпиион посмотрел в большой задумчивости. Присев на корточки, он заглянул в нее, обнаружил за вентиляционным отверстием какое-то полуосвещенное помещение и ошибочно принял его за грузовой склад.

Несколько минут Альберт изучал глазами полку под сломанной решеткой, с трудом удерживаясь от желания перерыть лежащие там бумаги. Когда он наконец встал и пошел дальше, лицо его было мрачнее обычного, а между бровями залегли узкие вертикальные складки.

В дальнем конце комнаты, между столом и сейфом, царил неописуемый беспорядок, однако мистер Кэмпиион решил, что это скорее последствия многолетней неаккуратности, чем результат злой пятиминутной вспышки какого-нибудь неуравновешенного человека.

Да уж, определение «деловитый» к деловым людям применимо редко. В конторе любой старой фирмы столько неразберихи, что по сравнению с ней школьный шкафчик неряшливого ученика покажется образцом порядка. Хранилище в двадцать третьем доме, похоже, из разряда тех полезных помещений, где никогда не убирают, а потому любой водворенный сюда предмет мог в полной безопасности ждать, когда о нем снова вспомнят.

Однако количество всякой всячины, которое три поколения Барнабасов-управляющих посчитало достойным хранения, по мнению Кэмпииона, удручало. Сейф вполне мог бы стать жемчужиной любой экспозиции, основанной предприимчивыми грабителями в назидание новичкам. Выглядел он, безусловно, внушительно и, похоже, был способен выдержать даже артобстрел, но отпирался при этом ключом – огромным ключом, если судить по размеру богато украшенной замочной скважины.

Альберт еще рассматривал сейф, когда по коридору простучали торопливые шаги и хлопнула дверь, ведущая во двор. С легким чувством вины, но без тени сомнений мистер Кэмпиион продолжил экскурсию.

Поверх пыльной связки рукописей на ближайшей к столу полке он наткнулся на анахронизм. Шляпа-котелок, почти новая и лишь слегка запылившаяся. Альберт осторожно ее перевернул, заметил внутри инициалы «П.Р.Б.», а под ней на полу – аккуратно сложенный зонт.

Складки на лбу мистера Кэмпииона стали глубже. Дело, несомненно, имеет большой технический интерес – помимо личностного аспекта. Человек, одетый для улицы, найден мертвым в собственном хранилище, за запертой снаружи дверью, через четыре дня после своего исчезновения – все это наводит на досадные мысли.

Кэмпиион бросил еще один взгляд на вентиляционное отверстие и пожалел, что не видел тела.

Через несколько минут, когда он осмотрел дверь в комнату и пришел к выводу, что замок ни разу не взламывали и не вскрывали отмычкой, вновь послышался стук шагов – на этот раз со

стороны двора. Распахнутая дверь, холодный порыв ветра... Кто-то вошел и, увидев Альберта, замер.

Мистер Ригжет с мистером Кэмпбином обменялись взглядами.

Мистер Ригжет нерешительно помедлил, разрываясь между желанием посмотреть, что происходит наверху, и стремлением выяснить, кто этот неожиданный гость; внимательно оценил незнакомца круглыми от возбуждения глазами, поправил сверкающее пенсне.

Не сыщик, немедленно решил мистер Ригжет. Его познания о сыщиках были невелики, а суждения ограничены. Зато в голову пришла волнующая альтернатива, и он с заискивающим видом шагнул вперед.

– Возможно, вам пригожусь я? – с легким намеком на тайный сговор предложил Ригжет. – Поначалу я, конечно, не хотел, чтобы мое имя упоминали, но если вам надо что-нибудь узнать...

Он многообещающе умолк. Лицо Кэмпбина не дрогнуло. Мистер Ригжет, подождав, добавил:

– Вы ведь, несомненно, журналист?

– Никаких «несомненно», – отрезал мистер Кэмпбин. – Что за этой стеной?

– Га... гараж, – потрясенно икнул мистер Ригжет.

– Сколько машин?

– Только одна. Мистер Веджвуд держит там свой «Фиат». А что?

Мистер Кэмпбин проигнорировал вопрос.

– Вы кто? – отрывисто бросил он.

Ни его тон, ни манеры не соответствовали образу компанейского проныры-журналиста, который мистер Ригжет так часто видел в кино.

– Я здесь работаю, – чопорно объявил он.

– Великолепно, – сердечно кивнул мистер Кэмпбин. – Идите и продолжайте в том же духе.

– Вы журналист, да? – Мистер Ригжет не на шутку встревожился.

– Нет, конечно, – удивленно ответил Кэмпбин.

– Но вы и не сыщик. Это ведь не вы пришли сейчас с коронером?

– А, он наконец-то здесь? – заинтересованно произнес бледный незнакомец. – Чудесно. Всего доброго.

– Сообщить ему, что вы его ждете? – Тонкий розовый нос мистера Ригжета задрожал, учуяв волнительную возможность попасть хоть на миг в центр расследования.

– Нет. Это было бы неправдой.

Мистер Кэмпбин прошмыгнул мимо несостоявшегося информатора в сторону лестницы.

Мистер Ригжет нерешительно замер. Внутренний голос подсказывал, что сразу идти следом за незнакомцем неразумно. Вдобавок Ригжета мучило смешанное чувство стыда и тревоги – неизбежный отголосок поспешного умозаключения. Однако бродить возле места происшествия, когда в доме полиция, – тоже не самое безопасное занятие. За неимением других вариантов отступления мистер Ригжет заперся в уборной.

Мистер Кэмпбин взбежал по лестнице. Лицо его было на редкость невыразительно, а светлые глаза напряжены. Он сделал открытие; и если оно подтвердится другими фактами, это грозит серьезными проблемами.

Наверху лестницы мистер Кэмпбин задумчиво помедлил. Выбор следующего шага был непрост. Альберт не совсем понимал свою роль в происходящем. Мисс Керли, по-видимому, пригласила его по собственной инициативе – следовательно, он представляет интересы не полиции, а друзей. Но каковы эти интересы?

В конце концов любопытство взяло верх над осторожностью, и мистер Кэмпбин стал прикидывать, как раздобыть нужную информацию. Может, взять быка за рога и пойти прямо

к Джине?.. Альберт размышлял, стоя посреди погруженного в туман холла, и тут заметил, как с верхнего этажа по лестнице спускается смутная тень. Ах да, Ричи! Мистер Кэмпиион начисто о нем забыл.

– Мистер Барнабас. – Он шагнул вперед, вытянув руку. – Не знаю, помните ли вы меня...

Высокая фигура резко замерла. На мистера Кэмпииона смотрели два удивительно кротких голубых глаза.

– Как же, помню. Друг Майка, да? Альберт Кэмпиион. Вы-то нам и нужны. Слышали, конечно?

Кэмпиион кивнул. Горе и потрясение, которых не чувствовалось в приемной, здесь были налицо. Ричи выглядел изможденным; рука, вложенная в ладонь Альберта, дрожала.

– Мне только что сообщили. Секретарь пришла в мой кабинет. Я читал. И даже не догадывался... Майк туда ходил вчера вечером, представляете?

Ричи умолк, провел рукой по клочковатым седым волосам.

– Двадцать лет назад... – неожиданно добавил он. – Но тогда был май... И никакого тумана.

Мистер Кэмпиион озадаченно моргнул. Потом вспомнил о привычке людей перескакивать с темы на тему, повинувшись какому-то непредсказуемому мыслительному процессу. Однако сейчас не время изучать странности Ричи Барнабаса, нужно срочно выяснить кое-что важное.

– Послушайте, – порывисто сказал Альберт. – Я в очень невыгодном положении. У меня нет здесь никаких прав, но я бы хотел поговорить с кем-нибудь, кто видел тело. Как полагаете... может, вы?..

Ричи задумался.

– Я попробую, – наконец произнес он; потом внезапно с видом пса, который хочет что-то сказать, да не может, добавил, беспокойно глядя в глаза Кэмпииону: – Тело... Тогда это было ужасно... Ничего... ни следа. Бедный Пол, такой молодой! – Затем совсем другим тоном: – Погода стояла неплохая, разве что с легкой дымкой. Хотя такого тумана не было.

Ричи начал подниматься по лестнице, но, пройдя полпути, повернул назад.

– Идите в мой кабинет. На самый верх. Простите, что раньше не подумал.

Он вновь ушел, однако на верхней площадке бросил взгляд вниз.

– Ждите у меня. Давайте наверх.

Мистер Кэмпиион нашел нужный кабинет не сразу. Тот располагался под самой крышей; к нему вели ступени, спрятанные за облицовочной панелью какого-то помещения. Кэмпиион обнаружил их случайно – заметил дверь внутри последней комнаты на том этаже, который принял за верхний.

Кабинет очень подходил своему владельцу. Совсем маленькое помещение было устроено вокруг старого кирпичного дымохода, к которому оно словно приникло в поисках опоры. Не считая двух ветхих кресел, уютящихся у крохотного камина, все пространство занимали рукописи. Тесня друг друга, они лежали высокими неустойчивыми кипами, устремленными к скошенному потолку.

Одну нишу едва освещало небольшое окошко, за которым клубился туман. Если бы не это окно и не отблеск камина, комната совсем утонула бы во мраке.

Кэмпиион нашел выключатель, на каминной полке вспыхнула пыльная настольная лампа.

Альберт в ожидании сел. После подвального холода здесь было тепло и затхло, в воздухе витал запах бумаг. Очень личная комната – словно печально сброшенное старое пальто.

Очарование этого места не успело сполна завладеть мистером Кэмпиионом – пришел Ричи. Он вскарабкался по ступеням, точно паук-переросток, в спешке оббивая длинные руки-ноги о деревянные стены.

– Сейчас придет, – объявил Ричи. – Уже бежит. Только лицо припудрит. Бедняжка... Совсем дитя, Кэмпцион... всего восемнадцать. Миленькая очень... машинистка вроде бы. Хорошая семья... плакала... когда рассказывала.

Он сел.

Мистера Кэмпциона, заключившего, что речь идет не о мисс Керли, осенило.

– Вы нашли девушку, которая его обнаружила?

– Ужасное испытание. Рада от всех сбежать. Хорошая девочка.

Ричи вытащил из кармана пачку сигарет, задумчиво прикурил. Положил ее назад, снова вынул, извинился, сунул Кэмпциону мягкую сигарету.

– Вы хорошо знали Пола? Бедолага! Бедолага! Ах, не знали? Ясно... Такое потрясение для всех. Наверняка... Мертв три дня, говорят. Быть не может. Майк туда вчера ходил. Доктора сами ничего не знают, правда?

Мистер Кэмпцион потихоньку привыкал к такой необычной манере общения. Он не первый раз участвовал в бессвязном разговоре, однако у Ричи была смущающая привычка буравить собеседника ласковыми голубыми глазами, причем буравить с какой-то трогательной искренностью.

Хотя мысли Кэмпциона целиком занимало нынешнее дело, он все же обратил внимание на жесты Ричи – размашистые, сами по себе совершенно бессмысленные, – и начал понимать, почему нетерпимый Джейкоб Барнабас с портрета в приемной был так недоволен этим племянником.

Потрясение еще не прошло, однако в своей комнатке Ричи явно стало лучше. Он обвел ее глазами, застенчиво улыбнулся мистеру Кэмпциону.

– Я тут двадцать лет, читаю.

Эти слова застали Кэмпциона врасплох.

– А возможность освобождения за хорошее поведение не предусмотрена? – невольно слетело у него с языка.

Ричи отвел глаза, и Альберт впервые заметил в нем некоторую уклончивость.

– Иногда выхожу, – ответил хозяин кабинета. – На неделю-две, временами. Что такого?.. Надо жить.

Тон был почти сердитым, Кэмпцион чуть не начал сыпать извинениями. Ему стало неуютно – похоже, Ричи есть что скрывать.

Альберт отмахнулся от этой мысли, как от глупости, но неуютное чувство не ушло.

Ричи неистово дымил сигаретой, длинные тонкие пальцы с огромными костяшками неуклюже сжимали сплюснутую бумажную трубочку.

– Сильная личность. – Голубые глаза вновь буравили Кэмпциона. – Действовал быстро... делал глупости. Но чтобы мертвым... Кошмар! Вы когда-нибудь влюблялись?

– А? – переспросил мистер Кэмпцион, совершенно сбитый с толку.

– Не понимаю. – Ричи махнул длинной костлявой рукой. – И никогда не понимал. Пол не любил Джину. Уму непостижимо. Майк – хороший парень.

Кэмпцион попробовал найти связь между этими сумбурными заявлениями, но тут внизу на лестнице что-то зашуршало. Ричи вскочил.

– Мисс Марчант.

Он исчез и почти тут же вернулся с очень хорошенькой гостьей. Та недавно плакала, да и сейчас еще не совсем пришла в себя. Глядя на нее, мистер Кэмпцион был склонен подписаться под участливой тирадой Ричи. Действительно, какая несправедливость, что эту невысокую светловолосую девушку с большими испуганными глазами и скромным умным лицом судьба подвергла такому испытанию.

Ричи уже представлял молодых людей друг другу. С мисс Марчант он разговаривал не так отрывисто, стал непринужденней, мягче, что очень ему шло.

– Садитесь. – Ричи взял гостью за руку, провел в комнату. – Это мистер Кэмпиион, весьма умный человек, не полицейский.

Он заглянул ей в лицо, решил, что она вот-вот заплачет, и без объяснений сунул в руку большой белый носовой платок.

– А теперь рассказывайте. – Ричи присел на пыльные доски между гостями.

– Мне ужасно жаль вас беспокоить, мисс Марчант, – начал Кэмпиион. – Вам наверняка очень тяжело вновь через все это проходить. Но вы окажете нам с мистером Барнабасом огромную услугу, если ответите на пару вопросов.

– Я не против. – Она сделала жалкую попытку улыбнуться. – Даже рада отсюда уйти. Что вас интересует?

Мистер Кэмпиион решил действовать осторожно.

– Когда сегодня утром вы пошли в хранилище, ключ вам дала мисс Керли? Или вы сами его взяли?

– Я... я сама взяла. Он висел на крючке под крышкой ее стола, сзади. Он там всегда висит.

– Понятно. Значит, вы взяли ключ и сразу пошли вниз?

– Да. Но я это уже рассказывала коронеру.

Голос взволнованно зазвенел, мистер Кэмпиион успокаивающе выставил вперед руку.

– Да, знаю. Спасибо большое, что теперь повторяете мне. Вы открыли замок, вошли – и что сделали дальше?

Мисс Марчант глубоко вздохнула.

– Включила свет. А потом, по-моему, закричала.

– Представляю... – Мистер Кэмпиион кивнул. – Вы увидели его сразу?

– Да. Он лежал прямо за дверью. Я чуть не наступила ему на ногу. Когда зажглась лампа, мой взгляд упал как раз на него.

Ричи кивнул гостье, приглашающим взмахом руки-крыла напомнил об одолженном носовом платке. В этом жесте было что-то настолько комическое, что за слезами в круглых глазах мисс Марчант на миг мелькнул смех.

Мистер Кэмпиион стал прощупывать дальше.

– Послушайте меня, это нам очень поможет, – мягко попросил он. – Попробуйте не думать о мертвом мистере Бранде как о начальнике или знакомом. Представьте его просто чем-то безликим – безобразным зрелищем, на которое вы были приглашены. Что поразило вас больше всего в первый момент?

Мисс Марчант собралась. Мистер Кэмпиион разговаривает с ней как с ребенком, а не как с современной восемнадцатилетней девушкой!

– Цвет, – ответила она.

Мистер Кэмпиион вздохнул.

– Розовое лицо, – пояснила мисс Марчант. – Я даже не поняла, что он умер. Подумала, стало плохо: приступ или удар. Я подошла ближе, наклонилась и тогда увидела – мертвый. Мистер Бранд был такой ярко-розовый, и губы распухли.

– А поза выглядела естественной? – Выяснив важное обстоятельство, мистер Кэмпиион поспешил отвлечь собеседницу.

– По-моему, да. Он лежал на спине, руки вдоль тела. Ничего... красивого.

– Кошмар! – искренне воскликнул Ричи. – Ужас! Бедная девочка! Бедный Пол!

Он бросил окурочек в камин, лихорадочно зашарил по карманам в поисках новой сигареты.

– Это все. – Мисс Марчант взглянула на мистера Кэмпииона. – Я выбежала отсюда, сказала мисс Керли и остальным.

– Естественно, – мягко, добродушно отозвался он. – А где была шляпа?

– Шляпа? – непонимающе переспросила мисс Марчант, нахмурилась. – А, котелок... Конечно. Да на полу, рядом с мистером Брандом.

– Рядом с головой или рядом с рукой? – уточнил мистер Кэмпион.

– С плечом, по-моему... Рядом с левым плечом. – Она зажмурилась, вспоминая.

– И как шляпа лежала?

Мисс Марчант подумала.

– Ровно, полями вниз. Вспомнила. Точно. Я краем глаза заметила черный округлый холмик и сначала не поняла, что это. Там еще был зонтик, чуть дальше – наверное, отлетел, когда мистер Бранд упал.

Мисс Марчант невольно вздрогнула и стала выглядеть еще моложе.

– Слева? – протянул мистер Кэмпион. – Слева от вас?

– Нет, слева от него. Я же говорила. С той стороны, что дальше от стола.

– Ясно, – сказал мистер Кэмпион с непроницаемым лицом. – Ясно.

Хозяин кабинета проводил мисс Марчант на нижний этаж, а по возвращении нетерпеливо уставился на Кэмпиона.

– Прояснилось? – спросил Ричи и резко добавил: – Похоже на газ, правда?

Мистер Кэмпион задумчиво посмотрел на собеседника. Да, его сумбурные фразы и бессмысленные жесты действительно лишь досадные странности, за которыми кроется ум, – пусть не сразу, но Кэмпион это понял. И все же такой проницательности не ожидал.

– Да, – медленно ответил он. – Похоже на угарный газ. Конечно, без анализа крови наверняка не скажешь, однако описание мисс Марчант указывает именно на это. И то, что я заметил внизу, – тоже.

– Гараж рядом с хранилищем, – облегченно вздохнул Ричи. – Видимо, как-то просочился... Несчастный случай. Бедный Пол...

Мистер Кэмпион промолчал.

Ричи пересел в кресло, освобожденное мисс Марчант, и, глядя в миниатюрный камин, протянул к огню большие костлявые руки.

– Угарный газ, – произнес Ричи. – Какая доза смертельна?

Мистер Кэмпион уже какое-то время размышлял над этим вопросом, потому ответил обдуманно:

– Точно не скажу, но цифра очень маленькая... процента четыре, по-моему, в атмосфере. Газ этот очень коварен. Не осознаешь, что отключаешься, пока не отключишься, если вы меня понимаете. А выхлоп автомобиля – практически чистый угарный газ.

– Опасно, – глубокомысленно кивнул Ричи. – Вентиляции внизу нет, если дверь закрыта. «И заперта на ключ», – едва не слетело с языка мистера Кэмпиона.

– Пол вечно искал что-то в нерабочее время. Несчастный глупец... Жаль его.

Последнее замечание ничуть не походило на запоздалую мысль. Каждая клеточка сухопарого тела Ричи выражала огорчение, а искренний тон дал бы фору любой проникновенной речи.

– Я его плохо знал, – сообщил Кэмпион. – Встречал раз пять в лучшем случае.

– Тяжелый человек, – помотал головой Ричи. – Большой эгоист. Слишком властный. Но славный малый. Импульсивный. Джину не любил. Нелепая случайность, жуть.

Мистер Кэмпион вспомнил о маленькой решетке под полкой в хранилище. Идя вниз вместе с Ричи, он продолжал о ней думать.

Ужасное происшествие совершенно подкосило Ричи. Запертая дверь, время смерти – от этих деталей он отмахнулся как от незначительных, а важность расположения шляпы с зонтиком и вовсе от него ускользнула.

Из подвала в холл поднялись двое полицейских в штатском. Одного из них Кэмпион узнал – сержант уголовной полиции Пиллоу, сотрудник спецотдела по политическим и государственным преступлениям. Пиллоу кивнул Кэмпиону, в черных глазках мелькнуло удовлетворение.

Полицейский что-то держал. Когда Кэмпиион рассмотрел необычную ношу, сердце у него екнуло. Бережно завернутый посредине в темный носовой платок, в коротких толстых ладонях сержанта висел кусок резинового шланга – из тех, что иногда используют для импровизированного душа. Сержант Пиллоу сжимал находку, точно бесценное сокровище.

Глава 4

Отношения

Гордону Роу, эсквайру, хирургу

Лондон

Будучи коронером Его Величества в графстве Лондон, настоящим обязываю Вас предстать передо мной и присяжными во вторник, девятый день февраля месяца, в одиннадцать часов до полудня в суде прихода Святой Иоанны, Холборн, и тогда же в интересах Его Величества свидетельствовать по поводу смерти Пола Редферна Бранда и совершить вскрытие либо содействовать вскрытию тела и посмертному исследованию внутренних органов головы, груди и брюшной полости упомянутого Пола Редферна Бранда, о чем доложить впоследствии на вышеозначенном дознании. Неповиновение настоящему приказу – на ваш страх и риск.

Датировано вторым днем февраля месяца, 1931.

П. Дж. Салли, коронер.

В пятницу на той же неделе, когда было обнаружено тело, доктор Роу позвонил в квартиру Джины, рассеянно похлопал себя по карману, услышал, как зашуршала в ответ повестка coronera. Маленький доктор шел по коридору за встревоженной миссис Остин и сгорал от любопытства.

– Я и вправду считаю, вы должны на нее взглянуть, доктор. – Домработница говорила приглушенным голосом, бороздя толстый ковер мягкими туфлями и не глядя по сторонам. – Ни минуточки она не спала. По лицу видно. Я сказала ей, сказала: «Вызовите врача, милочка. В конце концов, хуже, чем сейчас, он не сделает». А она мне: «Наверное, вызову, миссис Остин». «Прилягте», – я ей, но не тут-то было. Так и сидит у камина, что твоя лилия.

Этот рассказ длился до самой двери в гостиную. Прежде чем войти, миссис Остин положила пухлую влажную ладонь на руку доктора.

– Уже что-нибудь выяснили?

Доктор Роу кашлянул.

– Не знаю, миссис Остин, – любезно ответил он. – Вы же в курсе, я не полицейский. Где наша пациентка?

Домработница подняла брови, затем со множеством картинных предосторожностей, призванных обеспечить тишину, на цыпочках тяжело вплыла в комнату.

– Вот и доктор, милочка, – объявила она замогильным шепотом, от которого у ее хозяйки наверняка остановилось бы сердце, будь их появление и вправду бесшумным.

Джина сидела в большом белом кресле, закутанная в сшитый на заказ черный пеньюар, – тот резко контрастировал с бледным лицом, блестящими глазами и волосами. Она сделала слабую попытку улыбнуться.

– Рада вас видеть, доктор. Присаживайтесь. Спасибо, миссис Остин, вы можете идти.

Милейшая дама вышла из гостиной, дав понять, что поступает так скрепя сердце. Доктор Роу продолжал стоять. Его профессиональная личность, полная радушия, лучше всего смотрелась в полный рост на каминном коврике.

– Ну-с, миссис Бранд, – начал он, – что вас беспокоит? Не спится, а? Неудивительно. Однако вы сами можете себе помочь как никто другой. Вам нужно мужество, деточка, большое мужество. Другие симптомы есть? Как дела с аппетитом?

Джина села прямо – маленькие белые ладошки сжаты, локти на коленях.

– Доктор, что происходит? Я насчет мужа.

Низенький медик застыл, в глазах мелькнула то ли тревога, то ли возмущение.

– Я пришел поговорить о вашем здоровье, миссис Бранд, – предостерегающе сказал он.

– Ах, доктор... – Мягкий новоанглийский акцент делал слова невнятным. – Я не хотела вас обидеть. Я не разбираюсь в профессиональной этике и прочем, но разве вы не видите: я схожу с ума от неопределенности. Что будет? Чем занята полиция? Почему слушание отложили на неделю? Чего ждут от вскрытия?

– Сударыня... – Доктор Роу был возмущен подобным нарушением приличий, о чем свидетельствовал его тон. – Я – практикующий врач. Не сыщик. Вы послали за мной, чтобы попросить совета о своем здоровье, и я готов его дать. Вы нуждаетесь во сне, и я могу выписать вам нужный препарат. Но я ничего не знаю о происшествии, а если бы и знал, не мог бы их обсуждать. Это неправильно.

– Вы ведь не только врач, вы еще и человек! – Голос Джинны дрожал. – Причем единственный, кто знает, что там думают в полиции. Только представьте мое положение... Десять дней назад пропадает муж. Спустя четыре дня его находят мертвым. Полицейские без всяких предупреждений и объяснений забирают тело. Меня на следующий день зовут на слушание. Оно занимает от силы пять минут. Кузен мужа опознал Пола, коронер отложил процесс на семь дней. Мне прислали повестку на вторую часть слушания, и я, конечно, пойду. Однако за мной следят! Вчера на улице...

Она перевела дух, в глазах застыла мука.

– Если бы мне хоть что-нибудь объяснили!.. Меня держат в неведении, это действует на нервы. Почему за мной следят? С чего полиции думать, будто я сбегу? В чем дело?

Нельзя сказать, будто доктор Роу остался совсем уж глух к мольбам красивой женщины, но из всех профессионалов врач, пожалуй, должен защищать себя особенно тщательно.

– Я очень вам сочувствую, – искренне произнес он. – Однако просветить насчет полиции не могу. У них свои методы и свой загадочный подход к делу.

Доктор нахмурился, поежился. Его посетило воспоминание о неприятном утреннем визите в морг, совместной работе с судебно-медицинским экспертом. И все же доктор Роу отодвинул сострадание в сторону и попробовал утешить Джину, ничего при этом не проясняя.

– Не стоит переживать. Сейчас нужно подумать о себе, побереечь здоровье. Дайте, пожалуйста, руку.

Глядя на часы, врач измерил пульс пациентки.

– Немного учащен, но ничего серьезного. Я пришлю вам снотворного. Утром почувствуете себя гораздо лучше. Незнание терпеть трудно, я понимаю, однако постарайтесь взять себя в руки. Вы пережили огромное потрясение – действительно огромное; горе вас в буквальном смысле сломало.

В последней фразе прозвучал завуалированный вопрос – его нашептала доктору Гордону Роу любопытная душа, спрятанная за профессиональной личиной.

Джина ответила без запинки:

– Это не горе. Не настоящее горе. Мне жаль Пола, но я его не любила.

Доктор Роу вздрогнул. Даже в самых лукавых, самых недостойных надеждах он не чаял услышать столь компрометирующее заявление.

– Ну-ну, миссис Бранд, вы же не всерьез, – категорично возразил врач. – Это от переутомления.

Джина непонимающе посмотрела на него, и тут нервы ее окончательно сдали.

– Какие вы все ужасные! – выпалила она. – Если бы я произнесла такое при жизни мужа, вы и внимания бы не обратили, никто не обратил бы, – хотя и сейчас, и тогда правда одна и та же. Но стоило мне сказать это после его смерти, и вы уже смотрите на меня, как на убийцу.

Доктор Роу запаниковал.

– Я... Я протестую. В самом деле! – пробормотал он, попятился к двери, откуда вызвал миссис Остин. – Уложите хозяйку в постель.

Распоряжение прозвучало слишком резко, и домработницу, которая подслушивала под дверь, посетило сомнение – уж не раскусил ли ее доктор. Он же, выполнив то, что считал своим долгом, торопливо отбыл.

Тем временем в небольшой квартирке над полицейским участком на Боттл-стрит мистер Кэмпиион сидел за своим столом, пытаясь делать два дела одновременно: писать письма и вести осмысленный разговор с человеком в соседней комнате.

– Отвратная история, – с горечью изрек низкий, унылый голос. – Сразу видать. Держитесь от нее подальше. Зачем вам скандал? Про вас и так слухи ходят, будто вы любитель побегать за славой.

– Обидно, – ответил мистер Кэмпиион, невпопад написал «за славой» в письме к своему банкиру, зачеркнул. – Но они мои друзья, ты же знаешь.

– Тем более нечего туда лезть, – произнес голос, на этот раз с намеком на житейскую мудрость. – Друзья попросят такое, на что у чужих духу не хватит. Преступление-то на почве секса. Вы, надеюсь, в курсе?

– Что? – переспросил мистер Кэмпиион.

Он снял очки, которые при письме немного затуманивали зрение, вновь надел, отложил ручку.

– На почве секса, – повторил голос. – Вам пока сильно везло, не доводилось так низко падать, но то ли еще будет, когда вас дешевые газетенки обольют грязью с головы до ног. Я, к примеру, после такого с вами компанию водить не смогу. Всех старых друзей растеряете.

– Лагг, – сурово позвал мистер Кэмпиион. – Зайди сюда.

По соседству загрохотало, словно там произошло небольшое землетрясение, и в комнату, предвараемый тяжелым дыханием, вплыл Лагг.

Его объемы с годами все росли, а вместе с ними росла и его меланхолия. К тому же он достиг определенного мастерства в умении изящно одеваться, не утратив при этом своей неординарности. Сегодня на нем было нечто напоминающее черные слоновьи ноги, белая крахмальная рубашка – без единого пятнышка, но и без воротника – и черный бархатный пиджак.

Хозяин холодно обозрел слугу.

– Богемно, – заключил мистер Кэмпиион. – С кого снял?

Мистер Лагг тяжело покачал головой.

– Можете шутить сколько угодно, – скорбно произнес он. – Но так оно и бывает: сегодня вы – уважаемый, изысканный, добродетельный член общества, а при первом же отвратном слухе – сидите по уши в грязи.

– Где ты взял этот жакет?

– Заказал, – отрезал мистер Лагг. – Джентльменская одежда, очень модная. Последний писк. В газете сказано, одному вашему важному родственнику нездоровится. Вот я и прикупил обновку: вдруг с ним что произойдет и вас призовут занять свое место в мире, хочу быть готов.

– Это, конечно, безобразие. – Мистер Кэмпиион встал. – Десять лет назад ты с ловкостью обезьяны забирался по стене дома на третий этаж, пролазил в слуховое окно, вскрывал сейф и был таков – все без сучка без задоринки. А теперь!.. Даже у малыша в коляске не сможешь сладости украсть.

– Надеюсь, до такого я не дойду, – с достоинством ответил мистер Лагг. Затем, прикрыв маленькие черные глазки припухшими белыми веками, принял добродетельный вид. – К тому же то – дело прошлое, а думать лучше о будущем. Вот я и советую вам не лезть в дела с дурным запахом. В вечерних газетах эта история выглядит плохо – не надо впутывать наши имена в такое.

– Размяк ты, Лагг, сдал, – с сожалением подытожил Кэмпиион. – В последнее время я мало тебя загружаю. Да и в нынешнем деле для тебя вряд ли что найду.

– Рад слышать, – уверенно заявил мистер Лагг. – В клубе обсуждали подробности, так я тогда еще подумал: «Хоть бы не ввязнуть в эту историю». Мы ведь вроде даже не на стороне полиции.

Мистер Кэмпиион взгромоздился на край стола, запахнул на поджаром теле шелковый халат, тонкий и довольно ветхий.

– Под клубом ты имеешь в виду паб на Уорддор-стрит? – уточнил Альберт.

– Нет. – Лицо мистера Лагга одеревенело. – Я туда больше не хожу. Не одобряю некоторых посетителей. Недостойные личности. Если желаете знать, я посещаю очень спокойное респектабельное местечко в бывших конюшнях, в Мейфэр. Там есть милейшие люди, моего рода занятий.

– Джентльменские джентльмены, видимо? – насмешливо спросил мистер Кэмпиион.

– Именно, – с вызовом подтвердил мистер Лагг. – А что плохого? Поддерживаю знакомство с милыми людьми из высшего общества, узнаю все сплетни.

– Ты мне отвратителен, – искренне произнес Кэмпиион. – До ужаса. Так и подмывает тебя уволить.

– Попробуйте. – В мистере Лагге вспыхнул былой огонь. – Хочу посмотреть, куда вас тогда занесет. Вы беспомощны, как младенец. Без меня никак, уж я вас приучил. Бросайте это дело, и мы больше ни словом о нем не вспомним. Сделка честнее некуда.

Не заметив в лице хозяина ни намек на капитуляцию, Лагг настойчиво продолжил:

– В конце концов, когда секс поднимает свою уродливую голову, пора сматывать удочки. Вы это знаете не хуже меня.

– Так ты не шутишь? – Мистер Кэмпиион выглядел совсем озадаченным.

– Когда это я шутил? – со справедливым упреком спросил мистер Лагг. – Тема совсем не смешная.

– Откуда ты взял эту... секс-идею? Я думал, в газетах все очень сдержанно. Да и как иначе – закон о клевете никто не отменял.

– Между строк прочел. – Мистер Лагг был мрачен. – Клевета не клевета, но если читать газеты правильно, всегда ясно, в чем дело. Важно не что, а как пишут.

– К сожалению, это во многом правда. – Кэмпиион нахмурился. – Ну и к чему ты пришел в ходе копания между строк?

– Убила, конечно, жена. В газетах напечатали ее снимок. Видали? Хорошенькая штучка – от такой только и жди.

– Лагг, это уж чересчур! – Мистера Кэмпииона передернуло. – Пошел вон.

Мистер Лагг понял, что перегнул палку.

– Без обид, шеф, не кипятитесь, – живо произнес он. – Я там не был, правды не знаю. Просто рассказываю, как все выглядит для человека с улицы.

Кэмпиион помолчал. Бледное безобидное лицо утратило привычное отсутствующее выражение.

– Я их знаю, Лагг, – наконец сказал он. – Им можно доверять, говорю тебе. Обаятельные, открытые, достойные люди. Миссис Бранд – прелестнейшая женщина. Мало ей горя из-за гибели мужа, так еще, сам видишь, ее портрет печатают в газетах, а в пабах Мейфэра объявляют убийцей.

Упрек прозвучал справедливо, однако не в характере мистера Лагга было признавать факты.

– Горе из-за гибели мужа? – презрительно протянул он. – Ну конечно! Человек пропал в четверг, а нашли его аж в понедельник в конторе по соседству. Любящая женушка, нечего сказать. Мужа нет дома то ли три, то ли четыре дня, а ей хоть бы что.

– Она вызывала меня.

– Ого, даже так? – заинтересованно спросил Лагг. – Тогда другое дело. Но в прессе-то про это не пишут. Откуда же мне было знать? Да и другим тоже. Кто, по-вашему, убил?

Мистер Кэмпион провел рукой по светлым волосам, взгляд затуманился.

– Понятия не имею, Лагг. Хотя и в курсе этой истории, так сказать, изнутри. А вот ты и твои клубные приятели уже назначили виновного.

– Я совсем не удивлюсь, если мы окажемся правы. Со стороны оно виднее, знаете ли. Помяните мое слово, мы и ахнуть не успеем, а дамочка уже будет стричь какого-нибудь молодого богача, на которого положила глаз. Вот вам тогда и мотив.

Ответ мистера Кэмпиона заглушила трель дверного звонка. Лагг поцокал языком, выражая одновременно раздражение и обреченность.

– Нашел же кто-то время для визитов...

Пройдя через комнату, мистер Лагг открыл нижний ящик комода и, к ужасу мистера Кэмпиона, достал из него поразительную конструкцию, состоящую из крахмального воротничка с черным галстуком-бабочкой. С безукоризненной важностью, даже гордостью, мистер Лагг застегнул это уродство у себя на шее – сзади была пришита пуговица – и тяжеловесно удалился, лишив своего хозяина дара речи.

В комнату стремительно вошел Майк – не стал ждать, пока о нем доложат. Последние два-три дня оставили разительный отпечаток на его внешности. Короткие черные кудри словно поределели, на лбу залегли морщины. Прежнее полусонное выражение не совсем исчезло из глаз, однако теперь в них была еще и тревога.

– Решил зайти, – отрывисто сказал гость. – Поговорить.

Он замолчал, нерешительно покосился на надгробную статую за своей спиной. Кэмпион тут же сообразил.

– Пока все Лагг, спасибо.

Бывший грабитель приподнял брови.

– Я буду в кухне, сэр, если понадобится, – произнес он так напыщенно, что Кэмпион изумленно разинул рот.

Однако Майку было не до мелочей. Он рухнул в глубокое кресло у камина и глубоко вздохнул.

– Полный кошмар, Кэмпион. Смерть Пола – и так ужасная беда, но ты не представляешь, что это была за неделя. Мы сами не свои. Джина совсем сломлена. О чем думают в полиции, можно как-то разведать? Знаю, ты пробовал. Что-нибудь выяснил?

Мистер Кэмпион, который в другом конце комнаты возился с шейкером, заговорил через плечо:

– Я ходил в Скотленд-Ярд. Станислав Оутс в отпуске, а ребята, которым поручено расследование, Таннер и Пиллоу, вежливы, но немногословны. Однако поводов для волнения нет. Коронер Салли – товарищ надежный. Бодрый, непримиримый старик; резковат немного, но дело знает. Полиция вас пока не беспокоит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.